

Василий Головачев
Консервный нож

«ЭКСМО»

1991

Головачев В. В.

Консервный нож / В. В. Головачев — «Эксмо», 1991

ISBN 5-04-001119-9

Возможен ли контакт с представителями иной цивилизации, иного разума, и когда он произойдет? Никто не способен с определенностью ответить на этот вопрос. Ясно одно: те, кто прочитает роман Василия Головачева «Консервный нож», будут достойно подготовлены к любым коллизиям, ожидающим человечество в будущем. Ведь им предстоит уже сейчас вместе с его героями пережить очень и очень многое.

ISBN 5-04-001119-9

© Головачев В. В., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Норман Хамфри	5
Из отчета первой экспедиции Даль-разведки у 101-го щита	8
Никита Пересвет	9
Д-комплекс. Неподслушанный разговор	21
Савва Калашников	23
Д-комплекс. Неперехваченный радиодialog	29
Никита Пересвет	30
Сфера Дайсона. Вторая планета системы	42
Ждан Пинаев	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Головачев

Консервный нож

Норман Хамфри

Архипелаг был невелик – семь островов общей площадью шестьсот десять квадратных километров.

Норман нашел самый большой остров, напоминавший полумесяц, покружил над ним, всматриваясь в глубины мрачного вудволлового леса, полюбовался мечетью в деревне дайсов, ничего подозрительного не заметил и посадил пинасс на северном роге острова у древнего разлома шириной в двести метров.

До назначенной встречи еще оставалось время, и Норман решил пройти к побережью через крыло вудволловой рощи, похожей – что вблизи, что издали – на развалины города или крепости.

Постояв у разлома, оплывшие стены которого поросли перьями оранжевой гриботравы, Норман направился по густой желто-сизой траве к лесу и окунулся в тень первого вудволла. Пахнуло теплом: в лесу всегда было теплее, чем на открытом пространстве. Касаясь рукой теплой, обросшей пухом стены растительного великана, Норман обошел его кругом и по белым шрамам старых семязавязей определил возраст вудволла: около тысячи лет. Вдруг пришло ощущение скрытого наблюдения, неясная тревога шевельнулась в душе инспектора. Тот, кто назначил ему встречу, ни словом не обмолвился, что на острове есть деревня дайсов. Экспедиции здесь не работали, так что выбор места встречи был не случаен, но откуда этот щекочущий спину взгляд извне? Или незнакомец, назвавшийся Альфредом, прилетел раньше и теперь ради страховки наблюдает за ним издали?

Норман поднял голову. Над лесом кружил виброкрыл – живая фотоэлементная батарея размером с земного кондора. К побережью идти расхотелось. Тщетно стараясь избавиться от чувства постороннего присутствия, Норман вернулся к машине. Перевалило за полдень, в белом небе в зените изливалась ослепительный свет голубоватая дыра с четко очерченными краями – Дайя.

Назначенный час прошел.

Норман понял, что ошибкой было лететь сюда одному, не предупредив группу страховки. Правда, Альфред или кто-то, назвавшийся этим именем, не дал времени на размышления и к тому же знал, кем и где работает инспектор Хамфри.

Внезапно издали, с другого конца острова, долетел тонкий жалобный крик. Так кричат дети и умирающие олени. Крик смолк, затем повторился, но глуше, и тишина завладела островом, чтобы через минуту прорезаться новым криком.

Хамфри нырнул в кабину пинасса и дал форсаж. Ему понадобилось всего полминуты, чтобы покрыть шесть километров до южной оконечности острова. С высоты открылась панорама деревни дайсов: двенадцать конусовидных яранг, кольцом окружающих лобное место – утопанную, без травы, площадь с ажурной колонной святилища в центре. Колонна горела чистым зеленым пламенем, совершенно бездымно, в ее глубине корчился бхихор, которому поклонялись дайсы, а вокруг валялись трупы аборигенов, лохматых, большеглазых, похожих на лемуру-долгопятов с кузнечикообразными ножками, кротких даже в смерти.

Норман зажмурился, потряс головой, но это был не мираж и не галлюцинация. Перед ним, как в кошмарном сне, вызванном историческим фильмом о преступлениях фашизма на Земле, лежала расстрелянная деревня иного мира!..

Он не забыл об осторожности, но в его практике это был первый случай массового убийства, причин которому не было и не могло быть, и Норман открылся. Он вышел из пинасса, метнулся по площади, отыскивая живых, не нашел, бросился к хижинам. Реакция у него была хорошая, он успел выстрелить в шарообразную массу, выпрыгнувшую из яранги ему навстречу, но второй раз выстрелить не успел. Укол в шею свалил его на землю, все поплыло перед глазами. Из яранг вышли люди в обычных рабочих комбинезонах Даль-разведки, окружили упавшего. Четверо. Усилием воли Норман на несколько секунд преодолел подкрадывающееся забытие, шевельнул рукой. Один из подошедших принял его движение за угрозу и поднял пистолет, но другой жестом остановил его.

– Не торопись. Норман, вы слышите меня?

– Аль...фред? – прошептал Норман, слабея.

Человек засмеялся странным взлаивающим смехом.

– О нет, Альфред – это мыльный пузырь, которым мы заманили вас на остров.

– За...чем?

– Теперь виновник этой бойни – вы! Временное умопомешательство, такое бывает при укусе виброкрыла. Но для хозяев Сферы и всех трех Дайсонов этого будет достаточно, чтобы убедиться в агрессивности и жестокости людей, и они вас вышвырнут из Сферы.

– Кто... вы?

Человек снова засмеялся, нагнулся.

– Не узнаете?

Норман широко раскрытыми глазами вгляделся в надвинувшееся лицо и вдруг стал подниматься. Он узнал!

– Кас... Кас...

– Узнал, молодец.

– Странно, – сказал второй член группы. – Он давно должен был отключиться, я же всадил ему две иглы.

– Пора кончать, – вмешался третий. – У них такая система страховки, что скоро здесь появится весь их погранотряд.

Норман обмяк.

Говоривший перевернул его на живот и пинцетом выдернул из шеи две черные иголки.

– Шприц!

Парень с пистолетом и сумкой подал странной формы шприц. Первый воткнул иглу, похожую на клюв, в места уколов иглами с парализующим ядом, выдавил кубик белой жидкости.

– Порядок. Вот теперь его и в самом деле укусил виброкрыл. Пистолет!

– Здесь еще есть заряды.

– Оставь один, остальные в дело.

Пока обыскивали инспектора, парень в несколько выстрелов поджег оставшиеся яранги и вложил рукоять пистолета в ладонь Нормана.

– У него рация работает и две видеокамеры.

– Камеры обезвредить, рация пусть работает. Уходим.

Начальник группы убийц достал из сумки самого молчаливого напарника аппарат с раструбом, приставил к голове Нормана, покрутил лимбы настройки, глядя на мерцающий экран, и нажал на красный квадратик единственной кнопки.

– Мы гуманны, – пробормотал он, – мы не убиваем представителей высшей расы без особой нужды, просто человек забудет, что он делал.

Из-за стены вудволла вышел еще один член группы.

– Все спокойно, ни один не ушел.

– Хорошо, Коршун, твой манок сработал. Парень, видно, забыл, что ни одно живое существо Дайсонов не кричит.

– Люди всегда бросаются на помощь кричащему, это инстинкт.

– Уточняю, инстинкт сохранения вида, и это очень опасный инстинкт, основанный на их морали, а не на разуме. Нам еще придется повозиться, чтобы добиться желаемых результатов. Всем в шлюп.

Пятеро неизвестных скрылись в лесу. Спустя минуту над «развалинами» вудволлов появился серый диск шлюпа и тут же превратился в цепочку «призраков», растаявших в небе, – в таком режиме взлетают обычно автоматические десантные модули.

Из отчета первой экспедиции Даль-разведки у 101-го щита

В созвездии Щита на расстоянии тридцати двух парсеков от Солнца экспедицией Ларичева обнаружена звезда с действующим астроинженерным сооружением под названием «сфера Дайсона».

Для справки: термин «сфера Дайсона» возник в середине двадцатого столетия при анализе ряда проектов возможной астроинженерной деятельности высокоразвитых цивилизаций американским физиком-теоретиком Ф. Д. Дайсоном. «Сфера Дайсона» представляет собой оболочку вокруг звезды, поглощающую ее энергию с целью максимальной утилизации разумными существами.

«Сфера Дайсона» (в дальнейшем именуемая просто Сферой) у 101-го Щита построена около десяти тысяч лет назад. Диаметр – две астрономические единицы. Внутри Сферы на круговой орбите вращаются три однотипные планеты, названные соответственно Дайсон-1-2 и -3, близкие по параметрам к Земле, обладающие своеобразной флорой и фауной.

Разумных существ, построивших Сферу, в системе не обнаружено. В Сфере также найден искусственный объект в рабочем состоянии, названный Дайсон-комплексом (в дальнейшем Д-комплекс), способный произвольно (автоматически) менять орбиту движения вокруг центрального светила...

Никита Пересвет

Его встречал плотный молодой человек в форме служащего компании космосервиса, назвавшийся администратором. Был он немногословен и сдержан до равнодушия. Вместе с тем Никита отметил у администратора цепкий взгляд и какую-то странность поведения, которую он не смог объяснить сразу, с первых минут знакомства.

«Буфтаар Джумаа», – сообщил «Вася», персональный интелмат, имеющий прямой выход на аксон слухового нерва; датчики и рецепторы «Васи» были встроены в комбинезон, вернее, составляли с ним одно целое. По сути, «Вася» был «альтер эго» – «вторым я» инспектора. Никита мог советоваться с ним, как с помощником, и сам решать любые математические и этические задачи со скоростью компьютера.

«Квартирьер похода, – продолжал шелестеть „Вася“, – непалец, двадцать восемь лет, участник двух экспедиций БП, хобби – шахматы».

Они вышли из-под козырька приемной камеры метро, практически мгновенно перенесшего Никиту с Земли на Дайсон-станцию, и оказались в зале под прозрачным куполом. Никита впервые не через виомы, а своими глазами увидел Сферу...

Дайсон-станция, или, как ее называли старожилы, Д-комплекс, представляла собой искусственную планету-диск диаметром около двадцати пяти километров. Это был не единственный, но один из наиболее сохранных объектов древних дайсониа, строителей Сферы, не только уцелевший со времени постройки, но и продолжавший таинственную службу в полностью автоматическом режиме. Его орбита проходила так близко от орбиты планет Сферы, что с Д-комплекса можно было разглядеть на их поверхности даже отдельные острова, а скорость его движения была такова, что за время одного оборота вокруг светила он успевал трижды пройти мимо каждой из трех планет мира Дайи. Одна сторона его диска всегда смотрела на центральную звезду, а другая – на оболочку Сферы.

Чтобы не тратить средства и время на строительство исследовательского центра, люди решили использовать Д-комплекс, не вмешиваясь в работу чужих механизмов и продолжая осторожные исследования. На одной из сторон диска и был установлен купол стационарного метро, связавшего Сферу с Землей и Д-комплекс с базами на планетах и стандартными модуль-станциями внутри Сферы, а ряд пустых помещений в его ободке оборудовали под лаборатории и жилой сектор исследователей.

Никита прибыл на станцию как агент сектора освоения планет Даль-разведки, и лишь несколько человек на Земле знали, кем он был на самом деле...

Первым впечатлением Никиты было ощущение невероятной глубины: казалось, он заглянул в бездну, причем бездну светлую, потом упал в нее и стал погружаться все глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии цвета.

Оболочка Сферы состоит из трех слоев планетоидов со средним диаметром в полсотни километров, соединенных невидимыми связями в удивительную сеть. Д-комплекс вращается вокруг Дайи на расстоянии в сто тысяч километров от ближайшей точки Сферы, поэтому планетоиды видны без биноклей и сияют ярче, чем несколько земных Лун. Но главный эффект вносит спектральное распределение цвета: в зените пятнышки планетоидов источают голубоватый свет, потом идут кольца белого, зеленоватого, желтоватого, снова голубоватого цвета – перламутровые переливы, как у земных раковин или жемчуга, ни одного яркого, контрастного, спектрального чистого цвета! У горизонта небосвод багров и тускл, и, как потом оказалось, это цветовое распределение не зависит от положения наблюдателя внутри Сферы. Сфера есть сфера, и угол зрения, под которым видны планетоиды, на орбите Д-комплекса везде одинаков...

Долго на Сферу смотреть было невозможно – глаза уставали от световой ряби, – и Никита отвел взгляд.

– Зрелище совершенно необычное, – сказал администратор, наблюдавший за ним.

– Весьма! – искренне ответил инспектор.

– То ли еще увидите. Идемте, отведу вас в «гостиницу».

По обыкновенной лестнице в четыре пролета они спустились «с крыши» на этаж ниже, под поверхность внешнего корпуса станции. Никита обратил внимание, что лестница слишком «земная», и гид пояснил:

– Сделана нашими инженерами. Здешние лестницы и лифты не предназначались для прохождения и транспортировки людей, хотя использовать их можно.

Выбрались в коридор, один конец которого заканчивался тупиком, другой, казалось, уходил в бесконечность. Пол коридора был покрыт губчатой упругой ворсистой массой зелено-вато-серого цвета, ходить по нему было неудобно, хотя сила тяжести на станции приближалась к земной.

Остановились у одной из снежно-белых дверей, явно сработанных человеческими руками. Администратор посторонился.

– Открывайте, это ваша каюта, дверь не заперта. Кодон распознавания подберете сами.

Пересвет кивнул, погладил дверь рукой и мысленно приказал открыться.

Белый прямоугольник превратился в дымную пелену, потеряв плотность и цвет. Никита первым шагнул в каюту.

Помещение было невелико, геометрически просто – параллелепипед со сторонами четыре на шесть метров и высотой в два человеческих роста – и безлико, как пустой бокс. Стены отливали серебром, словно на них налипла паутина.

В углу стояла стандартная приставка автокровати, разворачивающаяся при желании в диван, кресло или стол. Рядом пульт «домового» – домашнего координатора, похожий на бутон какого-то экзотического цветка на стебельке, столик, два стула, шкаф, в дальнем углу – кабинка душа. Посередине комнаты в полу торчал круглый выступ высотой сантиметров пятнадцать, точно такой же выступ располагался на потолке. Эти бугры были единственным напоминанием о чужеродности помещения. А в общем, подумал Никита, напоминает стандартную обстановку кают рейсовиков на трассах средней протяженности.

Он поставил свою сумку на стул, огляделся и с недоумением посмотрел на провожатого.

– Больше дверей нет?

– В этих помещениях вообще не было дверей, пришлось прорезать со стороны коридора. Для чего они предназначались, известно только строителям.

– Я буду один?

– Рядом каюты ученых и дирекции, а всего в жилом секторе «гостиницы» живут семьдесят человек. Со всеми каютами есть связь. Располагайтесь. Будут вопросы, звоните мне или моему помощнику Гонсалесу, номера найдете в памяти «домового».

Джумаа направился к двери, у порога оглянулся.

– Хочу дать совет. Д-комплекс изучен едва на одну сотую, никто не знает, для чего он предназначен и как работает. Ходить по нему в одиночку опасно.

– Учту, – вежливо пообещал Никита.

Дверь заколебалась и снова восстановилась, агент Даль-разведки остался один. С минуту прислушивался к тишине, обволакивающей комнату глухой болотной ряской. Молчал и «Вася», анализируя поступающую через датчики информацию.

Никита медленно обошел помещение, касаясь рукой серебристых шершавых и теплых на ощупь стен. Посидел на стуле, с удивлением обнаружил, что ему не хочется думать о задании, предстоящем расследовании, разведке и странных случаях, происшедших на планетах Сферы и в самом Д-комплексе. Организм сопротивлялся включению в особый ритм жизни с постоян-

ной готовностью к тревоге и к бою, ожиданием схватки с неведомой силой, проявившей себя жестоко и беспощадно, что и заставило отдел безопасности ввести в действие экстремальный вариант.

Итак, начали?..

Он открыл шкаф и разложил по полкам содержимое сумки: белье, запасные комплекты верхней одежды, туалетные принадлежности. Потом достал «универсал» в плоской кобуре с набором обойм, вогнал одну в рукоять и поставил пистолет на предохранитель. Фауна Сферы как будто не имела хищников, и применять оружие не было нужды, но агент по освоению имел право носить пистолет в не полностью исследованных мирах. Никита потрогал вшитые под кожу за ухом генератор психозащиты и мыслепередатчик «Васи», проверил, как держится на указательном пальце искусственный ноготь – дубль-рация, и вышел из каюты. Кодом распознавания для двери он выбрал образ брата, ушедшего в глубокий поиск на корабле Дальразведки.

Диск Д-комплекса был толщиной в два километра и делился на слои-горизонты: пятьсот горизонтов высотой от трех до шести метров. Планировка горизонтов была очень сложной и, главное, изменялась со временем. Лишь один из десяти горизонтов сохранял свое оборудование и геометрию, был стационарен во времени, остальные жили динамической жизнью: коридоры в них появлялись и исчезали, помещения изменяли форму и содержимое, наполнялись таинственными «призраками» и автоматами непонятного назначения или пустели, превращаясь в «мертвые», заполненные тишиной этажи.

Все это Никита знал по описаниям станции, но одно дело – выслушивать рассказ и совсем другое – увидеть собственными глазами. К тому же у него была иная цель. По времени «гостиницы» шел всего восьмой час вечера, и он решил побродить по чужому спутнику, поддавшись одному из самых необъяснимых и прекрасных чувств – ощущению тайны.

Стена тупика коридора, куда вышел Пересвет, была вогнутой, а в конце выпячивался пузырь из молочно-белого стекла. Утопая по щиколотку в зеленой «пене» пола, Никита подошел и почувствовал щекощущее дуновение в шею: «Вася» предупреждал, что «пузырь» находится под напряжением.

Хмыкнув, инспектор приблизился к «пузырю» и тут же отпрянул: «пузырь» вспыхнул переливчатым голубым светом и стал расти, надуваться, словно воздушный шарик, пока не превратился в грушевидную фигуру высотой в два метра; в ее туманной глубине зажглась зеленая звезда.

Сзади кто-то рассмеялся.

Никита оглянулся. К нему, улыбаясь, подходил тонкий в талии, седоголовый мужчина в костюме планетарной службы.

– Новенький? Сегодня прибыли? – Он протянул руку. – Уве Хоон, археонавт.

«Уве Хоон, член-корреспондент Академии наук, – отозвался в ухе шепоток „Васи“. – Пятьдесят девять лет, участник экспедиций, из них три – Даль-поиск. Хороший скрипач».

Никита назвал себя и пожал руку ученому, которого знал по отчету бригады подготовки.

– Я ваш сосед, решил прогуляться. Мне столько рассказывали... Правда, меня предупреждали, что это не безопасно.

– Гулять по Д-комплексу можно, просто надо быть внимательным. Заходите вечером, после девяти, у меня собирается интересная компания, вам тоже будет полезно. Моя каюта напротив.

– Спасибо, приду. А что это за «груша»?

– Это? – Хоон улыбнулся. – Техника дайсониян очень своеобразна, неантропна, если вам понятен этот термин. Кто вы по специальности?

– Эколог, агент по освоению планет, – сказал Никита.

– Квартирьер, я сразу понял по реакции. А этот «мыльный пузырь» – выходной тамбур наружу, за пределы станции. Так сказать, дверь с тамбуром.

Археонавт дотронулся рукой до «пузыря», и тот бесшумно лопнул, превращаясь в белую стеклянную выпуклость.

– Чтобы воспользоваться этим выходом, надо иметь с собой электрогенератор, иначе тамбур не открывается. До вечера, коллега.

Хоон ушел к себе в каюту.

Никита постоял в одиночестве минуту и побрел по коридору, уходящему в бесконечность.

Через полсотни шагов двери по обеим сторонам коридора перестали встречаться, часть горизонта, приспособленная исследователями под «гостиницу» и освещенная светопанелями, осталась позади. Дальше коридор освещался только голубовато-фиолетовыми прожилками в толще потолка, бессильными рассеять угрюмый полумрак.

Дважды Никите встретились люди: трое молодых парней в форме технического персонала, не обратившие на него никакого внимания, и странная пара – мужчина и женщина в комбинезонах спасателей, замолчавшие при его приближении и долго смотревшие вслед.

Еще через полкилометра Пересвет вышел к перекрестку, освещенному пронзительным зеленым светом.

Второй коридор тоже уходил в обе стороны на неопределенное расстояние, но был совершенно иным. Пол его не был устлан толстым слоем зеленой упругой массы и блестел, как металлический. В пятнистых его стенах через неравные промежутки шли знакомые «стеклянные» выпуклости дверей и ниши с «живым», ворочающимся и наблюдающим за человеком мраком.

Никита поразмыслил и свернул направо. Едва он ступил на металлический квадрат пола, как все вокруг пришло в движение. Воздух словно затвердел, сжав инспектора так, что он почти не мог двигаться, стены коридора побежали мимо, от скорости зарябило в глазах. Никита напрягся, стараясь освободиться от невидимых пут и соображая, что делать, и в этот момент коридор изогнулся как живой, вильнул в сторону и выбросил человека в глухой тупик, освещенный бледным светящимся пятном не то плесени, не то жидкости на полу.

Никита шагнул к стене и застыл на мгновение, готовый к новым метаморфозам чужой техники, однако ниша казалась устойчивой, стены ее были сухими и теплыми, гладкими на ощупь. Из тупиковой стены выдавался нарост, походивший на ветвистые олени рога с черными шарами на концах. И рога, и пятно плесени на полу тоже были заряжены электричеством.

Никита обошел нишу, с опаской оглядел нарост, и ему показалось, что в глубине черных шаров мелькают искры. Осторожно приблизив лицо к шару, он словно заглянул в глубокий колодец с мириадами светлых точек-звезд. Перископ – вот что это такое! В глубине шара была видна часть оболочки Сферы.

Выглянув в коридор, Никита обнаружил, что тот совсем не похож на взбесившийся металлический. Пол в губчатой зеленой массе, стены не вертикальны – в сечении коридор напоминал перевернутую трапецию. Потолок был фиолетовым, и в его глубине, меняя узоры, бродили светящиеся пятна.

Пересвет понял, что выбраться к «гостинице» самостоятельно будет сложно, он понятия не имел, куда забросил его дайсонинский транспортный «мешок». Он мог оказаться всего в сотне метров от своей каюты или же на другом конце двадцатипятикилометрового диска. Конечно, инспектор знал особенности техники Д-комплекса, тщательно изучив отчеты бригады подготовки, но на себе испытал ее действие впервые.

Коридор повернул и вывел его к провалу неизвестных размеров, заполненному текучим багровым полумраком и странными звуками: сериями тихих щелчков, похрустыванием, шепотом. Из глубины провала волнами наплывали удушливые запахи, горькие и кислые одновременно – корица пополам с квашеной капустой.

Черт возьми, какой же фантазией и мощью надо обладать, пришла внезапно мысль, чтобы построить такую махину, как Д-комплекс! Сотни квадратных километров поверхности. Коридоры, помещения, машины, силовые конструкции, и при всем при этом – строгие геометрические формы и беспрецедентная точность стыковки узлов! Какие титаны строили Д-комплекс и Сферу? И где они сейчас?..

Никита вспомнил рассказы начальника группы подготовки и включил рацию в режиме автовызова.

Техника древних дайсоиан отреагировала быстро: из провала со звуком пробки, вылетающей из бутылки шампанского, выскользнул «мыльный пузырь» и подплыл к обрыву коридора. Внутри его загорелась звездочка.

Никита шутливо развел руками:

– Извини, проверка.

«Пузырь» подождал немного и провалился вниз, в багровый полумрак, напоминающий жерло вулкана во время извержения.

Выключив рацию, Пересвет не спеша зашагал по коридору обратно и вскоре вышел на еще один перекресток, где пересекались по меньшей мере четыре коридора, включая «нормальный», с зеленым упругим полом. Один из коридоров был круглым и освещался ослепительным желтым светом. Казалось, он заполнен раскаленным жидким стеклом, готовым вот-вот вылиться на перекресток. Второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как и все конструкции этого космического левиафана. Третий был почти земным, квадратным в сечении, с черным полом и голубыми стенами с рядом белых выступов. Недолго думая, Никита свернул в этот коридор, который через полкилометра вывел его на круглую площадку, на метр покрытую прозрачной жидкостью, напоминающей воду. Но это была не вода. Едва Никита приблизился к низкому барьеру, превратившему площадку в бассейн, как вода бесшумно вспучилась, шевеля мышцами мелких волн, вылепилась в полусферу, потом в граненую колонну и наконец превратилась в стеклянное дерево, подрагивающее ветвями. В потолке над бассейном загорелся зеленый светлячок.

Заинтригованный, Никита подошел ближе. Дерево мгновенно сломалось и трансформировалось в конструкцию, отдаленно напоминающую кресло.

Спасибо за приглашение, подумал Пересвет. Он уже понял, что это такое: дайсоновский мгновенный транспорт, модификация метро, использующая тот же «струнный» принцип, но с совершенно иными параметрами и конструкциями.

– Не вздумайте сесть, – раздался сзади тихий голос.

Никита обернулся. Из коридора, заполненного мраком, вышел скупой улыбающийся молодой человек в серо-голубом костюме инженера похода¹. Волосы черные, блестящие, лицо узкое, с хищным носом и дерзкими, хитрыми глазами.

– Это дайсоианский вариант метро, мы называем его «прыг-скок», – продолжал незнакомец. – Во-первых, он бьет током, как и вся действующая техника Д-комплекса, а во-вторых, может забросить вас куда угодно в пределах Сферы, даже на любой астероид оболочки. А вы без скафандра.

Аппаратура, встроенная в комбинезон и подчиненная «Васе», дала понять, что это живой человек, а не «призрак» динго², но автоответчик, настроенный на строго фиксированную комбинацию частот, молчал. Никита узнал парня без подсказки «Васи»: Мухаммед бин Салих, пограничник из группы Пинаева. Но он Пересвета знать не мог.

Никита вежливо улыбнулся.

– Меня предупреждали. Правда, здесь я оказался вопреки своей воле.

¹ Инженер похода – инженер по обслуживанию земной техники в условиях внеземных экспедиций.

² Динго – динамическая голография.

Салих кивнул, сдерживая ответную насмешливую улыбку, только глаза блеснули иронией.

– Вероятно, вам повезло воспользоваться внутристанционным лифтом, который срабатывает совершенно неожиданно и почти не заряжен электричеством.

Никита вспомнил лихой полет в силовом коконе сквозь сплетения конструкций Д-комплекса. Что ж, ничего особенного, всего-навсего дайсоновский лифт. Интересно, как его называли инженеры, склонные к юмору?

Собеседник понял его мысли.

– Лифт есть лифт, хотя дайсоновский лифт своенравен, как дикий кабан. Мы так его и называли – «вепрь».

– Как же далеко меня забросило от «гостиницы»?

– Двадцать семь километров по прямой. Вы прибыли недавно, надо полагать?

– Только что, решил прогуляться. Одно дело – знать хитрости станции по отчетам экспертов, другое – убедиться на собственном опыте. Никита Пересвет, агент по освоению, – представился инспектор.

– Мухаммед бин Салих, – подал крепкую руку черноволосый. – Инженер похода. Здесь уже больше недели, но не скажу, что освоился полностью. Да это, наверное, и невозможно, станция набита тайнами, как пещера Сезама сокровищами.

Никита не знал, имеет ли право Салих открыто выходить на контакты с интересующими пограничную службу людьми, но ему показалась неоправданной та поспешность, с которой Пинаев санкционировал прощупывание его личности: встреча была явно не случайной, хотя Салих и пытался представить ее именно так.

– Я покажу, как удобнее выбраться к «гостинице», – предложил пограничник.

– Спасибо, выберусь сам, – отклонил предложение Никита. – Время у меня есть, да и любопытство не иссякло.

Он все время чувствовал присутствие еще одного наблюдателя, но никого не видел и не слышал.

– Тогда до встречи на «малом ученом совете». Знаете о таком?

– Кажется, догадываюсь. Меня встретил Уве Хоон...

– У него. На всякий случай запомните: наши земные транспортные линии установлены на первом и десятом горизонтах, найдете их по указателям.

Салих вскинул руку и растворился в сумраке темного коридора.

Никита проводил его взглядом. Со стороны встреча казалась естественной и случайной, однако что-то подсказывало инспектору, что это не так. Но поживем – увидим...

Полупрозрачное дерево-кресло в центре «бассейна» все еще предлагало свои услуги, мигая зеленым глазом готовности.

– Извини, – серьезно сказал Никита, – в другой раз.

Обойдя площадку, он вернулся в квадратный коридор с черным полом. Через несколько сот метров коридор уперся в прозрачную перегородку толщиной в метр. Но стоило инспектору приблизиться вплотную, как сработала дайсонская автоматика: перегородка наполнилась жидким сиянием, вспенилась и бесшумно лопнула, образовав треугольное отверстие, в которое Никита мог протиснуться лишь с трудом, согнувшись в три погибели. Вероятно, это был проход для автоматов, обслуживающих станцию. С появлением отверстия в коридоре явно обозначился ток воздуха.

Пересвет колебался недолго, его еще не удовлетворила часовая прогулка по колоссальной машине Д-комплекса. Он нырнул в отверстие и почувствовал, что... падает! Конечно, никуда он не упал, просто дальше в коридоре царила невесомость, установки искусственной тяжести за перегородкой не работали.

К невесомости Никите было не привыкать, он оттолкнулся от перегородки, снова ставшей прозрачной, и углубился в слабо освещенный коридор.

Около двух километров он плыл по воздуху, стараясь не касаться стен тоннеля, металлических, с неприятными штырями, находящимися под напряжением. А потом коридор уткнулся в сочленение еще пяти таких коридоров, и Никита понял, что это шпангоуты Д-комплекса, силовой его каркас, вокруг которого нарастили плоть всех остальных конструкций.

Возвращаться не хотелось, ибо вместе с легким разочарованием пришел охотничий азарт. Никита почувствовал себя первооткрывателем чудес механической, а может быть, и не только механической жизни, хотя в душе и посмеивался над своей мальчишеской жадой тайны. Поразмыслив, он пришел к выводу, что коридоры-шпангоуты должны не только служить скелетом Д-комплекса, но и выполнять другие полезные функции, аналогичные функциям земной техники: коммуникаций связи и пожарной системы, транспортных артерий для автоматов и ремонтных киберов, а также убежищ в аварийных ситуациях. Отсюда вывод: сеть этих коридоров должна иметь собственный транспорт, иначе для обхода даже небольшого участка сети потребуется слишком много времени.

Никита развернулся на месте, собираясь возвращаться, и нечаянно задел один из верхних штырей. Мышцы рук неприятно свело, и тут же из соседнего тоннеля выскользнула к сочленению шарообразная капсула, утыканная иглами, словно еж. Несколько игл вытянулось внутрь шара, и часть его оболочки в этом месте разошлась лепестками диафрагмы. Из недр капсулы выскользнул фиолетовый омерзительного вида желвак, живой и неживой одновременно, развернулся в зонт с десятком клейких фиолетовых щупалец и поплыл к человеку.

Никита с трудом избежал объятий квазиживого монстра, скорее всего автомата обслуживания здешнего оборудования, и поспешно вернулся в «нормальный» коридор. Прозрачная перегородка послушно выпустила его, наградив легким электрическим укусом пониже спины.

Еще дважды он попадал в странные, жаркие, наполненные ярким текучим светом помещения, снова подвергся атаке «вепря» – автоматического транспорта Д-комплекса, который выбросил его на этот раз в башенку, торчавшую из днища диска станции на добрую сотню километров. Таких башенок было несколько, они венчали отливающие серебром купола, идущие через равные промежутки по ободу станции.

Стенки башенки были прозрачными. Никита долго и с невольным благоговением любовался сиянием Сферы, вспоминая ее описание и сравнивая с тем впечатлением, какое дает прямое наблюдение.

– Представь себе колоссальную оболочку, – говорил ему Калашников, знакомя с заданием. – Оболочку, вращающуюся вокруг звезды. Ближайшая аналогия – маковое зерно в центре надутого воздушного шарика. Теперь вместо сплошной пленки воздушного шара представь три слоя из миллиона песчинок, соединенных между собой хитроумным способом – гибкими невидимыми нитями. А теперь увеличь маковое зерно до размеров Солнца – оболочка, таким образом, превратится в сферу диаметром в две астрономические единицы, а песчинки станут планетоидами, размер которых колеблется от десятка до полусотни километров...

Никита прищурил глаза, вглядываясь в мерцание бесконечной зернистой оболочки Сферы. Очевидно, конструкторы системы 101-го Щита использовали в качестве строительного материала астероиды из внутреннего астероидного кольца, а также разломали для этого три-четыре мертвые планеты. Никита ни разу не видел Сферу со стороны, но знал, что из космоса она почти не видна: механизмы, скрепляющие оболочку, продолжали действовать, и все излучение Дайи поглощалось ею с КПД, близким к единице.

Прямо в зените, над головой Никиты, засияла вдруг более крупная звездочка, постепенно усиливающая блеск. Это была одна из планет Сферы, Д-комплекс догонял ее с относительной скоростью сто километров в секунду. Вскоре звездочка превратилась в туманное пятнышко света с перламутровым отливом, потом в пятнистый шар, окрашенный во все мыс-

лимые оттенки желтого, и наконец – в громадину планеты. С тяжеловесной медлительностью она прошла слева по борту – прохождение длилось почти две минуты, несмотря на скорость станции. В момент наибольшего сближения в толще молочно-белой граненой колонны, занимающей центр башенки обзора, всплыли алые светящиеся кольца, складываясь в правильный геометрический узор, верх колонны вскипел белой шипучей пеной, как сбежавшее молоко, и пена рассосалась облаком искр. В воздухе запахло озоном.

Никита переждал, пока сработавший неведомый прибор успокоится, и шагнул на металлический квадрат «вепря».

Его вынесло в широкий коридор с сиреневым светом, где работали земные транспортные средства, и спустя четверть часа он отыскал свой номер «гостиницы».

Он вошел и сразу почувствовал, что в комнате кто-то был: интуиция сработала раньше, чем встроенная в комбинезон аппаратура.

Никита, не сходя с места, внимательно осмотрел апартаменты, включив свой микрокомпьютерный комплекс экспресс-анализа. Туалетная и душевая, сверкающие «мрамором», металлокерамикой и зеркалами, были чисты, но в кровати и приставке виома связи обнаружались «глаза» – видеокамеры размером с шип акации. Искать их пришлось незаметно, делая вид, что занят другими делами.

Никита не удивился камерам, он удивился тому, как мог тот, кто их поставил, проникнуть в запертое помещение, не зная кода распознавания замка. Не мог же он выследить агента Даль-разведки, прочесть его мысли, что было невозможно при включенной пси-защите, а потом вернуться и выключить замок...

Пересвет открыл шкаф и насторожился: ему показалось, что на него в упор взглянул кто-то холодно-презрительный, жестокий и опасный. Ощущение тут же прошло, но инспектор слишком хорошо знал возможности своей нервной системы, усиленной «Васей», чтобы отнестись к этому ощущению к разряду галлюцинаций.

Через десять минут осторожного, законспирированного поиска он обнаружил, что в кнопку шкафа, открывавшую нишу с бельем, встроена неметаллическая спиралька диаметром в миллиметр и толщиной в человеческий волос. Но как только Никита вознамерился выковырнуть кнопку с чужим аппаратом, раздался щелчок и кнопка превратилась в облако дыма. «Шпион» был запрограммирован на самоуничтожение при обнаружении. Предназначение его не оставляло сомнений, но в памяти «Васи» не было сведений о фирме – разработчике таких приборов, лаборатории Земли не изготавливали невидимых наблюдателей подобного типа.

Никита хмыкнул. Версия Калашникова, высказанная при расставании, подтверждалась: похоже, на Д-комплексе действуют не только сумасшедшие роботы охраны, но и некто, использующий, кроме аппаратуры спецназначения, разработанной для Даль-разведки, еще и микро-технику, не поддающуюся идентификации, что наводило на мысль о возможном контакте с инопланетной разведкой.

Пересвет переоделся, чувствуя себя голым: тот, кто устанавливал микрошпионов, знал свое дело, и надо было до конца играть роль ничего не подозревающего человека. Пусть смотрят.

Освежитель действовал прекрасно, озоновый душ – тоже.

Никита причесался, посмотрел на часы: без пяти десять по местному. Не поздно ли идти к Хоону? Впрочем, не может быть, чтобы малые ученые советы заканчивались через час, а знакомиться с населением гостиницы лучше в неслужебной обстановке. Вперед, инспектор!

Дверь открылась.

– Проходите, – раздался мягкий мужской голос.

Никита повиновался.

В комнате, истинные размеры которой терялись в полумраке, разместилось человек восемь, двое из них – женщины. Хозяин стоял у стены и колдовал над светящейся нитью неразвернутого виома.

– Проходите, садитесь, на что найдете, – кивнул Пересвету молодой человек в стандартном костюме планетарной разведки.

Никита поискал глазами стул и сел рядом с одной из женщин, лицо которой скрывалось в тени.

Уве Хоон, хозяин комнаты, пригласивший инспектора на «уик-энд» три часа назад, справился наконец со своими таинственными приготовлениями и тоже сел. Световая нить виома развернулась в трехметровое световое полотнище, обрела глубину и цвет, превратившись в изображение Сферы. В группе зрителей послышались ропот, возгласы и смех.

– Это не доказательство, Уве, – укоризненно произнес парень, пригласивший Никиту сесть. – Одну тайну вы пытаетесь объяснить другой. Я не верю, что современные дайсы-аборигены – одичавшие и регрессировавшие потомки строителей Сферы: уж очень значительно их облик отличается от предполагаемого облика древних дайсониан. И, главное, вы не ответили на вопрос: куда ушли сами строители?

– По расчетам, Сфера построена примерно десять-двенадцать тысяч лет назад, – проговорил курчавый бородатый великан, время от времени поглядывающий на соседку Никиты. – Но механизмы, удерживающие ее от распада, как известно, продолжают работать. Неужели вы будете утверждать, что систему охраняют автоматы?

– Это невозможно, – поддержала бородатого женщина, сидевшая в одном из кресел. – Сто лет – допускаю, ну двести, но не десять же тысяч! К тому же характер изменения экосистем на планетах Сферы линейен, а это говорит о непрерывном контроле среды.

– Чисто антропоморфное суждение, – мягко заметил Уве Хоон. – Древние дайсониане вплотную подошли к пределу совершенствования технических устройств, вы же знаете выводы экспертов, а нам этот предел пока только снится, хотя его контуры уже вырисовываются. Но учтите: Сфера не изучена и на миллионную долю. Кто знает, какие открытия ожидают нас впереди. Что касается чудес, то их в Сфере хватает. Скажем, вудволлы – теплокровные растения всех трех Дайсонов. Кто не бродил по вудволловому лесу, тот не может по видео оценить его неземного величия и необычности и, главное, ощущения живого! На Земле теплокровные растения не возникли только потому, что раньше по капризу эволюции природой были продуцированы теплокровные животные. Да что я об этом вещаю вам, специалистам!..

Никита вспомнил старинную картину Мэри Оппенгейм «Мех на завтрак»: чашка, блюдо, ложка – и все из меха, как живые! Люди с тонкой нервной организацией долго не могли есть после созерцания картины – настолько поразительно «живое» изображение того, что мы привыкли видеть неживым. А «живые» деревья, кстати, совсем не похожие на деревья, способные, наверное, даже ощущать боль, еще более эффектны.

– Или бхихоры, – продолжал хозяин комнаты. – Разве они не чудо природы! Я, к сожалению, не биолог...

Поднявшийся шум прервал речь Хоона. Снова послышались смех, веселые реплики и шутки.

– Кажется, археонавт Хоон решил поменять профессию, – засмеялся молодой человек, сидящий перед Пересветом.

– На моей родине говорят: пора переквалифицироваться в управдомы, – басом прогудел добродушный толстяк, с трудом умещавшийся в кресле.

– Управдом – это, кажется, у Ильфа и Петрова? – впервые заговорила соседка Никиты. Голос у нее был глубокий, грудной, великолепного бархатного тембра.

Никита окинул ее внимательным взглядом и встретил ответный взгляд, загадочный и томный. Ему показалось, что в глазах незнакомки прячется иронический вызов.

Разговор в комнате стихийно разбился на несколько дружеских пикировок. Молодой человек в форме планетарной службы придвинулся к Никите, но заговорил с его соседкой.

Пересвет вежливо пересел на край дивана и стал смотреть на мерцающий узор Сферы, чувствуя себя лишним.

С расстояния в тридцать миллионов километров Сфера выглядела идеальной твердью с перламутровыми переливами, но Никита знал, что вблизи «твердь» превращается в мелко-ячеистую сеть и не выглядит «с иголки»: кое-где на ее боках зияют бреши, над полюсами скопились облака пыли, некоторые участки иногда начинают вибрировать так, что планетоиды не выдерживают напряжения из-за приливных сил, разлетаются на осколки или срываются со своих гнезд в трехслойной оболочке и улетают в космос. Никто не знал, как они удерживаются в строго геометрической сфере, удивительной сетчатой кольчуге, сплетенной вокруг центральной звезды, на расстоянии около десяти километров друг от друга.

Конечно, проектор не давал возможности прочувствовать масштаб Сферы, для этого надо было видеть ее воочию, без технических приспособлений, но психологическое давление чужой мощи уже не покидало тех, кто однажды увидел Сферу и, потрясенный, уловил грандиозность замысла...

Никита почувствовал перемену в настроении компании и прислушался.

Речь шла о других чудесах в системе Дайи, и Пересвет заинтересовался.

Кто-то выключил виом, изображение Сферы исчезло, вспыхнул свет. Никита уловил на себе беглые любопытные взгляды и, в свою очередь, оглядел компанию. Мухаммеда бин Салиха среди них не было.

Уве Хоона он уже видел, а оппонентом ученого оказался великан, лицо которого почти полностью пряталось под мощным волосяным покровом. Рядом на диване – любопытная парочка: молодой человек с нежным лицом и румянцем во всю щеку и пергаментная старуха с живыми умными глазами. Еще одна пара – на пеностульях в углу: седой старик с безразлично оттопыренными губами и юнец с нашивками суперкарго космofлота на рукаве.

Только теперь Никита смог рассмотреть и оценить свою соседку по дивану.

Девушка была безусловно красива, гибка, грациозна в каждом движении и даже в легком жесте и очень не проста, если судить по ее ответному оценивающему взгляду с глубоко упрямными ироническими огоньками.

– Друзья, знакомьтесь, – прервал разговоры Уве Хоон. – У нас в гостях Никита Пересвет, инспектор по освоению. На Д-комплексе он впервые.

– Константин Мальцев, – первым представился молодой человек с дивана, – эксперт-кибернетик и хороший парень.

По комнате пробежал смех.

– Костя не может без саморекламы, – прогудел, подходя, бородач и сунул Никите широкую ладонь. – Ираклий Валаштаян, инженер похода.

Юноша с нежным лицом оказался работником спасательной службы Михаем Морицем, а старуха – его начальником, то есть начальником группы спасателей, Стефаной Калчевой.

Дошла очередь до красавицы, с которой не сводил глаз ревнивый Мальцев.

– Флоренс. – Девушка встала и оказалась почти одного роста с Никитой. – Психоэтик. Можно просто Фло.

Пересвет осторожно взял протянутую с хищной грацией узкую ладонь. На безымянном пальце девушки красовался ажурный перстень из голубого металла со светящимся камнем; казалось, внутри камня запрятан мерцающий огонь – переливы чистых спектральных тонов чередовались в самых причудливых сочетаниях, от чего камень «мурлыкал» светом.

– А меня можно просто Никита, – в тон девушке сказал инспектор. – Очень удачно, что нас познакомили, ведь мне придется работать с вами на всех трех Дайсонах.

– Меня предупредили.

Глаза Флоренс были карие, теплые, с золотистыми точечками – не озера, скорее родники. Если бы не настороженный интерес в них, скрытый иронической полуусмешкой, и не вызов, тоже, кстати, тщательно упрятанный на дне «родников»...

Никита выдержал рукопожатия остальных мужчин и вдруг сквозь общий доброжелательный фон почувствовал, что его пытаются прозондировать в пси-диапазоне. «Вася» отреагировал мгновенно, включив защиту и форсаж своей анализирующей системы. «Нас пытаются прощупать». – «Кто?» – «Не пеленгуется. Излучение узкоспектральное, но не поляризованное».

Гипноизлучение было избирательным, действовало только на Никиту и, судя по реакции защитной аппаратуры, отличалось по спектру от всего того, что предусмотрели инженеры техсектора УАСС. На инспектора повеяло чем-то неземным, нечеловеческим. Впечатление было, конечно, сугубо эмоциональным, но Пересвет доверял как «Васе», так и своей интуиции. Продолжая разговор, он незаметно проанализировал поведение каждого из присутствующих, но все были увлечены беседой, и с точностью сказать, кто из них пытается подслушать его мысли, было нельзя. К тому же приходилось напрягаться, прятаться за барьер воли и пси-защиты и при этом казаться естественно спокойным.

– У вас интересный перстень, – заметил Никита непринужденно.

Флоренс посмотрела на свою руку.

– Найден на втором Дайсоне. Ему около десяти тысяч лет.

– Но, судя по виду, сохранился он великолепно, словно его только что сработали. Или, может быть, его сделали современные дайсы?

Мальцев, ревниво следивший за Флоренс, засмеялся.

– Вы плохо знаете аборигенов, об их разуме спорят до сих пор. Они, по-моему, просто смысленные животные, вроде земных дельфинов, и не более. Для того чтобы сделать такие перстни, нужны развитая промышленность, высокая культура производства и глубокие знания эстетики.

– Перстни – вообще загадка, – пробасил Валаштаян. – Их наверняка сделали древние дайсониане, строители Сферы. Но, по всем данным, облик дайсониан одинаково далек как от человеческого, так и от облика дайсов-островитян. Зачем перстень был нужен дайсонианам? В качестве украшения? Но тогда они люди, что противоречит всем гипотезам.

– Это для нас он перстень, – сказал Уве Хоон. – А дайсонианам он мог служить чем угодно: от витаминных добавок к рациону до искусственных зубов. Но Ираклий прав, перстень – загадка, как и наша очаровательная Фло.

Никита с любопытством ожидал ответа девушки, но она только улыбнулась и со вздохом разочарования развела руками.

– Прошу извинить, друзья, мне пора идти, встретимся на очередном «светском рауте». Приятно было познакомиться. – Она бросила взгляд на Пересвета.

Инспектор вежливо поклонился.

– Взаимно. Завтра я навещу вас.

Фон внешнего пси-давления внезапно исчез. Флоренс вышла. Компания зашевелилась и стала расходиться, словно до этого ее сдерживало именно присутствие девушки.

– Вы поздно зашли, – подошел к Никите Хоон. – Мы успели наспориться и выговориться. Кстати, в качестве гида Флоренс будет незаменима, она старожил Д-комплекса, одна из первых облетела все три Дайсона. Заходите по вечерам, бывает интересно.

Никита поблагодарил хозяина каюты и вышел вслед за Мальцевым, который явно потерял настроение. В коридоре кибернетик остановился.

– Как вам наше... общество? – Видимо, он хотел спросить о Флоренс, но передумал.

Инспектор улыбнулся.

– Вполне. Только я не понял, чем занимаются в Сфере спасатели. Ведь эта женщина, Калчева, кажется, начальник группы спасателей?

– Они здесь недавно, всего три дня. На Базе-два произошла серьезная авария, вот УАСС и направило сюда группу для расследования. Где вы устроились?

– Напротив, вот моя дверь.

– А я через три каюты слева, номер одиннадцать. Заходите в любое время.

Константин пожал руку Пересвету и, неловко повернувшись, упал.

– Ходить здесь удобно только босиком, – сказал Никита, скрывая улыбку. – Интересно, как дайсоиане передвигались по таким коридорам?

Мальцев вскочил со смущенным видом.

– Вы еще больше удивитесь, если узнаете, каким был пол коридора десять тысяч лет назад, когда Д-комплекс только что построили. Эта зеленая губчатая масса имела полметра в толщину и была рыхлой, как чернозем! Представляете? Просто за сто веков чернозем высох и превратился в каучук.

Они разошлись по каютам.

Никита еще раз обошел свои апартаменты, настроил микроаппаратуру защиты на появление человека в пределах двадцати метров и уснул, не успев опустить голову на подушку. На вопрос, кто пытался зондировать разведчика и могла ли это быть Флоренс Дженнифер, «Вася» не ответил.

Д-комплекс. Неподслушанный разговор

– Прибыл некто Никита Пересвет, агент Даль-разведки, инспектор по освоению планет. Займитесь им.

– Уже занялся, как и всеми, кто прибывает в Сферу в последнее время. С виду обыкновенный работник, стандартно мужественный и ограниченный рамками уставов и служебных инструкций.

– Не торопитесь с выводами, в этом человеке дремлет сила. Необходимо проверить его по вашим каналам.

– Я его не знаю, ни разу не встречал в погранслужбе и вообще в управлении.

– Это не аргумент. Он может оказаться законспирированным агентом, работающим по спецзаданиям. Даю два дня на документальную проверку.

– Легче провести пси-зондирование.

– Только в том случае, если не помогут обычные средства. Но для подстраховки реактивируйте двух наблюдателей типа «тень».

– Три наблюдателя типа «волос» уже находятся в его каюте, хотя... один из них почему-то не отвечает на вызовы.

– Проверьте, но не рискуйте. Отдел безопасности УАСС не пошлет сюда любителя, а экзопрофессионал способен на многое, о чем мы еще не догадываемся. Что у вас еще, помимо рутин-информации?

– В систему скоро должна прибыть группа риска степени «АА». Это особая группа, укомплектованная специалистами из сектора контактов-конфликтов отдела безопасности.

Молчание. Собеседники одновременно получили сигнал предупреждения, но сигнала тревоги не последовало. Тишина длилась несколько минут, полная абсолютная тишина безвоздушного пространства: собеседникам воздух для разговора был не нужен, потому что один из них не был человеком, а второй находился в скафандре.

– Это тревожный факт, я доложу о нем Продавцу. Теперь о главном. Операцию необходимо форсировать, люди должны уйти из системы в крайнем случае через месяц, больше Клиент ждать не станет. Готовьте акцию «природа».

– Коэффициент самостоятельности?

– Ноль девять. Количество жертв – до десяти.

– Не мало? Форсированный вариант не ограничивает количественные характеристики терактов.

– Тем не менее делайте то, что я сказал. О появлении и передвижении вашей группы риска «АА» докладывайте каждые шесть часов, о действиях Пересвета – раз в сутки. Сомнения относительно вашего реноме?

– Нет. Иначе мне перестали бы давать задания как офицеру погранслужбы. Но о передвижении группы «АА» я докладывать не смогу: никаких подробностей о функциях этой группы, а также о составе и координатах каждого ее члена не знаю.

– Узнайте. По возможности меньше показывайтесь на глаза Пинаеву, он не экстрасенс, но обладает богатой интуицией. Что ему известно из того, что известно мне?

– Не имею информации.

– Плохо! Это минус вашей оперативности, землянин, что равносильно вычету из гонорара. Я вынужден опираться на данные суточной давности, а за истекшие сутки отдел безопасности мог поменять установки своим агентам.

– Калашников не Продавец. – Ирония ответа была очевидна. – Люди в подобных ситуациях не принимают решений, не опирающихся на проверенные сведения, тем более руководители такой фирмы, как контрразведка отдела безопасности. Можете не беспокоиться, они

считают, что на Д-комплексе проснулась его кибохрана, в программе которой произошли необратимые изменения.

Полуминутное молчание.

– Хорошо. Учтите мои замечания. Отбой связи.

Разговор закончился.

Савва Калашников

В кабинете было свежо.

Калашников поежился и наугад набрал на столе-пульте шифр видеопласта – кабинет превратился в салон крейсера Даль-разведки.

– Контроль вечерних распоряжений.

– Пинаев вызван на девять ноль-ноль, – лаконично доложил киб-секретарь. – Отдел кадров предупрежден о подборе кандидатур и готовит ответ к десяти. Симушир вызван на одиннадцатый. Австралия – на половину двенадцатого. Экспертная медкомиссия готова к работе в Сфере. Вылет в пять часов вечера. Представитель Даль-разведки ждет вызова. Оперативное совещание у директора отменяется, но он просил вас позвонить в четверть одиннадцатого.

– Где Рудаков?

– Он на американском материке, ведет дело «Невада-девятиносто».

Хозяин кабинета бегло просмотрел строки бланк-сообщений, ползущие по матово-черной доске стола, и прошелся по кабинету, сцепив руки за спиной.

Был он коренаст, с виду медлителен; лицо тяжелое, с крупным носом и светло-серыми глазами; пристальный взгляд, твердый, властный и жесткий, выдавал в нем натуру сильную и незаурядную. Выгоревшие волосы Калашников зачесывал налево, скрывая шрам за ухом. Одевался он почти всегда в серо-синий комби – официальную форму работников управления – и не снимал его, по слухам, даже дома.

Дважды обойдя «салон крейсера» по периметру, начальник отдела снова сел за стол и, преодолевая внутреннее сопротивление – чисто психологический эффект включения в новое расследование, – принялся за анализ данных.

Сфера Дайсона была открыта полтора года назад. Спустя полгода в ней начала работу первая экспедиция, базирующаяся на крейсере Даль-разведки «Сахалин». Еще через три месяца базу переместили на Д-комплекс – станцию древних строителей Сферы, установили на ней метро, связавшее систему с Землей. Странные происшествия в Сфере начались спустя год и два месяца после открытия колоссального сооружения и образования разветвленной сети баз и лагерей экспедиции возле всех объектов системы.

Сначала исчез без вести один из физиков, исследовавших внешнюю оболочку Сферы. Затем заболели странной болезнью два археонавта на Дайсоне-3 – оба утратили память вплоть до эмпатического уровня, то есть перестали осознавать себя как личности.

Сошел с ума заместитель директора научного центра по хозяйственной части: им овладел страх закрытого пространства, переросший в жуткую форму мании преследования.

Заболел инженер по обслуживанию таймфага – кровь у него стала белой как молоко! Вывод медиков: внезапное исчезновение фермента липопропротеидлипазы. Еще один случай потери памяти у биолога на Дайсоне-2. За дело взялась медицинская комиссия погранслужбы Даль-разведки, но странные события продолжались, множились, росли как снежный ком: заболели хиломикронезией еще двое исследователей, инженер-виомист выбросился из модуля в космос без скафандра, начальник группы биологов сбежал на Землю, где его с трудом нашли и уговорили лечь в клинику.

Отдел безопасности УАСС подключился к работе, когда медики погранслужбы констатировали свою беспомощность в постановке общего диагноза происшествий. А странные события, озадачив медицину, переключались в другие области науки и человеческих отношений.

Взрыв на Д-комплексе с использованием электрофакельного разрядника. Пропажа десантного модуля. Исчезновение оборудования экспертов, исследующих узлы оболочки Сферы. Отказ от работы автоматических исследовательских комплексов типа АРТ на Дайсоне-2. Варварское уничтожение вудволлового леса на одном из архипелагов Дайсона-3. Ава-

рия на топливно-ресурсной базе БРБ-2. И, наконец, случай с Норманом Хамфри, взявшимся за расследование дела.

Калашников с минуту сидел, вспоминая, при каких обстоятельствах был обнаружен Хамфри, потом вызвал Дориашвили.

Заместитель начальника отдела по науке и технике явился через две минуты, подтянутый, внимательный, аккуратный. Вежливость его не имела пределов, хотя между ее оттенками он умел и пошутить, и поставить человека на место, и выразить уважение.

– Пора включать «спрут»³, – сказал Калашников. – С сегодняшнего дня начинаем развивать операцию «Сфера» всеми секторами. Пограничники не справляются с анализом ситуации, нужен компьютерный анализ на больших машинах.

– Мы готовы, – сказал Дориашвили. – Наверное, на начальном этапе операции нужен информирующий «спрут».

– Координирующий тоже, но с ограничением подуровней – не ниже начальников отделов. Садись, начнем разбираться.

Оба недели эмканы связи с компьютером и с его помощью разбили происшествия в Сфере на три группы: относящиеся к медицине, «уголовно-процессуальные»: «воровство» модуля, оборудования, личного имущества исследователей – и «диверсионно-террористические». К девяти часам отпали первые версии дела и родились новые. Калашников зафиксировал свои размышления и замечания Дориашвили в памяти машины, отпустил зама и снова пошел кругами по кабинету.

Пинаев пришел ровно в девять ноль-ноль, но не один, а с Германом Косачевским, директором УАСС.

– Я его перехватил по дороге, – сказал Косачевский, здороваясь. – Хочу познакомиться и получить сведения из первоисточника.

Калашников указал гостям на кресла.

Ждан Пинаев работал в пограничной службе Даль-разведки уже три года. Был он невысок, но широкоплеч, плотен, стремителен. Хороший спортсмен, владеющий приемами рукопашного боя, предпочитающий, однако, футбол всем остальным играм и видам спорта. За три года он успел зарекомендовать себя умелым и решительным работником, знающим цену риску. Может быть, он бывал слишком азартным и напористым, что иногда отталкивало от него людей, но за последний год он научился владеть собой в достаточной мере, изменил манеру поведения до мягкой, деликатной и в то же время по-особому решительной и снискал славу человека слова, умеющего ценить юмор и скрывать взрывную азартность натуры.

Лицо у Пинаева было скуластое, смуглое, голубоглазое, живое, хотя он все время старался придать ему невозмутимое выражение.

– Донесения погранслужбы я читал, – сказал Калашников, покосившись на Косачевского. – Но Совет безопасности счел нужным подчинить операцию нашему отделу. Вы будете работать непосредственно со мной. Что нового появилось за последние сутки?

– Все тихо, если не считать протестов ученых против сокращения программы исследований.

– Мне пришла целая петиция из научного совета Даль-разведки, – проговорил Косачевский без улыбки. – Десять подписей, академики и доктора наук. Просят объяснить решение Совета безопасности о сокращении научного десанта.

– Речь идет только о человеческом контингенте.

³ «Спрут» – единая система компьютерной связи.

– Они правы, одной автоматикой, комплексами ИКО и АРТ⁴ в Сфере не обойтись. Тем более что планетарная АРТ по неизвестным причинам отказывается работать. Какова численность отряда в настоящее время?

– Тысяча сто восемь человек. На Дайсонах около семисот, сто двадцать на орбитальных базах, двести исследуют оболочку Сферы, а остальные – Д-комплекс.

– Вчера вечером прибыли еще четверо, – сказал Пинаев. – Агент по освоению планет из квартирнерского сектора Даль-разведки и трое врачей. Прошу разобраться, кто дал санкции на пропуск в Сферу агента по освоению, если еще не решили вопрос проведения исследований в полном объеме.

Калашников встретил взгляд Косачевского.

– Разберемся. Новости по ТРБ-два?

– Расследованиями аварии занимаются Калчева и Мориц, объем поступившей информации невелик. Через сутки доложу о результатах собственного поиска.

– Подключите к спасателям своего работника.

– Уже работает.

– Как продвигается расследование дела Хамфри?

Пинаев помолчал, перенимая манеру поведения собеседников.

– Опрос его друзей и всех, кто имел с ним дело, не выявил никаких проявлений или предрасположения к патологии. Его помешательство внезапно.

– Как и вся эта чехарда в системе, – пробурчал Косачевский.

Калашников вопросительно посмотрел на него.

– Когда началась цепь событий в Сфере? – спросил в ответ директор Управления спасателей. – Сразу после появления в ней человека или нет?

– Год спустя.

– Причем внезапно, так? Не говорит ли это о какой-то эпидемии?

– Может быть. – Калашников прошелся по кабинету. – Но не думаю. Кроме случаев, относящихся к компетенции медицины, есть и другие.

– Но тогда ваша версия об охранной автоматике Сферы отпадает. Она должна была сработать сразу после появления человека, а не год спустя.

– Эта версия пущена в ход для дезинформации тех, кто работает под охранную автоматику. Тем не менее охрана жизненно важных центров Сферы существует. Я провел анализ происшествий и вот к чему пришел. Все странные случаи делятся на три группы: медицинскую, или эпидемическую, «уголовно-процессуальную» и «диверсионно-террористическую». – Калашников хмуро усмехнулся. – Не думал, что когда-нибудь придется прибегнуть к терминологии прошлого века: диверсия, террор, провокация, воровство... Каждая из групп происшествий обособлена, но не настолько, чтобы не иметь общего знаменателя. Согласен, в одних случаях мы были свидетелями работы сторожей Сферы, в других – жертвами собственной неосторожности, в третьих – что касается «краж со взломом и без» – нельзя исключить любопытства дайсов, братьев наших меньших, которым забрезжила заря цивилизации. Но случай с Норманом Хамфри нельзя объяснить никаким помешательством, в этом деле все странно: внезапность, эта дикая, бессмысленная бойня, которую он учинил, затем последующая потеря памяти... Вирус неизвестной болезни? Не исключено. Но у меня другое мнение.

– Медэксперты считают, что вирус здесь ни при чем, – тихо сказал Пинаев. – На шее Нормана найден след укуса виброкрыла, но в ранке, кроме слюны виброкрыла, действующей как наркотик, обнаружен препарат, не поддающийся идентификации.

– Интересно, – медленно проговорил Косачевский.

⁴ ИКО – исследовательский орбитальный комплекс; АРТ – автономная система адаптивной робототехники.

– Препарат может оказаться фикцией. – Калашников остался спокойным. – То есть, я хотел сказать, компонент слюны. Нужны дополнительные исследования в этом направлении. А в остальном... напрашивается тревожный вывод.

– Я догадываюсь, – сказал Косачевский. – В Сфере действуют чужие разумные существа. Калашников кивнул.

– Вирус? Не исключено. Охранная автоматика – тоже. Кто-то из людей внезапно сошел с ума? Не исключено и это. Но все же ближе к истине – негативное вмешательство чужих носителей разума. Единственное, что непонятно, – цель этого вмешательства.

– А что, если вернулись хозяева Сферы? – вырвалось у Пинаева. – Ее конструкторы и строители?

Калашников и Косачевский одновременно посмотрели на него и переглянулись.

– Надо подумать, – сказал Калашников спустя минуту. – Мысль неожиданная. Весьма. Надо подумать.

Пинаев переменил позу, порозовел под взглядами.

– В последнее время мне почему-то кажется, что деятельность моей группы... м-м... находится под контролем.

Калашников молча ждал продолжения.

– Может быть, это чисто субъективное ощущение, – заторопился Пинаев, – но избавиться от него я не могу.

– Факты?

– Их нет. Экстрасенсорное восприятие... мысленное эхо типа «взгляд в спину»...

Директор УАСС, в свою очередь, нахмурился, хотел что-то сказать, но передумал.

– Примем к сведению, – сказал Калашников. – Если подозрения подтвердятся, поговорим об этом подробней. Попробуйте проанализировать свои ощущения: в каких ситуациях они возникают чаще всего, кто при этом находится рядом с вами, особенности окружающей обстановки и так далее. Поняли? Остров, где нашли Хамфри, обследован?

– Обследован весь архипелаг, следов присутствия других людей много, но идентифицировать их не удастся. По предварительным данным, на острове совершал посадку модуль типа «Коракл», обнаружены следы пятерых человек давностью до двух суток и еще троих давностью две недели. Это все.

– А как Норман? – спросил задумавшийся Косачевский. – Удастся его вылечить?

– Нет. Он в клинике нервных заболеваний на Симушире. Врачи выяснили, что у него стерты альфа- и гамма-уровни памяти, что равносильно смерти личности. Восстановить память невозможно.

– Каким образом можно стереть память до гамма-уровня?

Калашников развел руками.

– Если это не вирус, о котором медицина наша ничего не знает, то остается одно средство – амнезотрон.

Косачевский легонько хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и встал.

– Не буду больше вас отвлекать. После инструктажа прошу ко мне в кабинет.

Калашников проводил директора взглядом, сел за свой стол и отхлебнул из стакана зеленый пенящийся напиток.

– Хотите?

Пинаев покачал головой.

– С утра не пью.

Они обменялись понимающими полуулыбками. Оба сразу понравились друг другу. Потом начальник отдела посмотрел на часы и заторопился.

– Комплекс задач, поставленных перед вами, остается прежним. Присматривайтесь к людям, наметьте, кто по роду деятельности может быть связан со всеми происшествиями.

Параллельно с вами будет работать еще один специалист, но об этом должны знать только вы. Если появится необходимость, он сам найдет способ связаться с вами. Теперь такой вопрос: вы хорошо знаете своих людей?

Пинаев растерялся.

– Отбором кандидатур занимался зам по кадрам погранслужбы, не согласовывая этот вопрос ни с кем. Я лично работал только с двумя: Ираклием Валаштаяном и Кириллом Изотовым. Ираклий сейчас в пятерке Салиха, а Изотов сам руководит пятеркой.

– Хорошо. Присмотритесь ко всем по мере возможности. Меня интересуют их личные качества, степень самостоятельности, инициатива. Связь в обычном порядке. Вопросы?

Пинаев помялся, легкая краска снова легла на его щеки.

– Не знаю, откуда дует ветер... и как могло случиться... что об этом узнали... Короче, по Д-комплексу ходят слухи, что в Сферу прибыла из вашего управления специальная группа «АА».

Калашников улыбнулся, хотя лицо его при этом не потеряло своей твердости и внутренней силы.

– Пока это просто «утка». Группа риска «АА» будет работать в Сфере, когда возникнет необходимость. В нее войдете и вы... если, повторяю, понадобится.

У Пинаева, очевидно, были еще вопросы, недоумение его не рассеялось, но сдерживать себя он умел.

– Разрешите идти?

Калашников вышел из-за стола и подал руку.

– До связи, капитан. Работа очень серьезная, учтите, контакт с чужим разумом в таком аспекте не просчитан никем, в том числе и нашими прогнозистами.

Пинаев четко повернулся, подтянутый, гибкий, крепкий, и вышел, чуть косолапя, что казалось несовместимым с его спортивной стройностью и грацией.

Начальник отдела задумчиво прошелся по кабинету, прикидывая, кого назначить координатором операции в Сфере, и в это время посреди кабинета развернулся виом связи с директором. Косачевский, длинный, костистый, худой, с двумя седыми пятнами в волосах, непроницаемо-ровный, смотрел на Калашникова, чуть прищурясь, из-за своего директорского пандарма.

– Пинаев ушел?

– Только что.

– Понимает ли он, что расследование необходимо вести быстро, но тактично, без ошибок? Если все происшествия в Сфере суть действия чужих, то напрашивается интересный вывод: нас пытаются выпихнуть из Сферы, имитируя реакцию природы и кибертехники древних дайсониян на наше вторжение.

– Сформулировано жестко, – сказал Калашников, – на грани фола. Эксперты эту гипотезу забракуют – нет качества достоверности. Да и я, признаться, не вижу причин, по которым нас, землян, следует выгонять из Сферы. Законы эко-этики и психоэтики мы соблюдаем неукоснительно.

Косачевский кивнул.

– Это самое слабое место гипотезы, но мне не нравится, что нас словно тянут, провоцируют на силовую борьбу. Все события взаимосвязаны и четко отделимы, и нет времени на раздумья, скрупулезное исследование причин и контриггу. Поэтому людей для работы в системе Дайи надо отобрать жестко. Ждан Пинаев – неплохой работник, но слишком молод и не обладает достаточным опытом. К тому же мне не нравится его нервозность, вернее, чувствительность к «взгляду в спину». Это симптом ненадежности нервной системы.

– Он не интрасенс, но хороший интуитив.

– Вот как? – Директор УАСС приподнял бровь. – Почему я не знаю об этом? В личном деле не сказано, что он интуитив.

– Информация подобного рода не должна просачиваться за пределы медкомиссии погранслужбы, отдела кадров и непосредственно начальства, к которому мы не относимся. А Ждан не только интуитивен, но и владеет приемами психозащиты. Из пограничников это наиболее подходящая кандидатура для работы в Сфере.

– Тогда удачи ему, да и всем нам в этом деле. Меня не будет до трех часов дня, приеду из ВКС – вызову.

Виом вернулся в линию и угас.

Калашников сел за стол, включил отработку накопившейся информации. Его решений ждали десятки других дел и забот, связавших отдел безопасности УАСС со всеми планетами Солнечной системы и планетами других звезд.

Д-комплекс. Неперехваченный радиодialog

- Пинаев вызывал Калашникова. Их разговор вывести не удалось.
- Он часто бывает на Земле?
- Всего второй раз за десять дней. Обычный способ связи с погранслужбой – бланк-сообщения, закодированные личным кодом Пинаева.
- Возможность перехвата и дешифровки?
- Ноль.
- Мне не нравится категоричность ваших ответов, землянин, вам бы следовало быть гибче в решении эмпатий, ибо от этого, напоминая, зависит ваш гонорар. Продавец недоволен нашей деятельностью, быстрее отработывайте задания. Что слышно о группе «АА»?
- Ничего. Ее цель, методы работы и штатная структура неизвестны. По косвенным данным, она прибыла в Сферу не стационарным ТФ-каналом, а на спейсере УАСС «Печенег», но кто командир, сколько в ней человек... сведений нет.
- Еще минус вашей оперативности, землянин. Я вынужден просить помощи у Продавца, уменьшая тем самым свой гонорар.
- Не очень-то кичитесь своей ловкостью, уважаемый неземлянин. Против вас работают профессионалы безопасности, а не дилетанты, и опыт работы у них громаднейший.
- А вас это радует? Даю сутки на поиск необходимых данных. Активизируйте вариант: два робототехника людей на втором Дайсоне должны выйти из строя.
- Я уже занимаюсь этим, но мне нужна помощь. По перехваченным переговорам руководства центра исследований Сферы с Землей можно сделать вывод: Даль-разведка вышла на систему Клиента.
- Хоп! – воскликнул собеседник. На самом деле его радиовозглас передать адекватно человеческой речью или эмоциональным восклицанием было абсолютно невозможно, поэтому смысловая нагрузка разговора передается в вольном переводе. – Доказательства?
- Будут завтра-послезавтра.
- Продавец не обрадуется. Это случайная экспедиция или планируемая?
- Пока не знаю. Но земляне с Клиентом не скоро установят контакт, пока Клиент находится в состоянии ожидания войны. Обычная процедура глубокой разведки длится около года, мы успеем закончить работу здесь. Еще одно сообщение: Пинаев усиливает нажим расследования аварии на ТРБ-два и случая с Норманом Хамфри. Боюсь, он докопается до истины.
- Подготовьте остров к уничтожению, а с ТРБ-два... подумаем. Возможно, уничтожим и ее. Конец.
- Отбой связи.

Никита Пересвет

Два дня он мотался по трем планетам Сферы, вовлекая в свою деятельность десятки других людей исследовательского центра, преимущественно планетологов, экологов, биологов и экспертов-физиков.

В его обязанности как агента по освоению входило определение экономических затрат на строительство сооружений и эксплуатацию коммуникаций, перспектив развития исследовательских и промышленных комплексов, природоохранных мер, учет состояния и динамики среды, а также главное – экологический прогноз, то есть расчет экологических тенденций изменения среды в результате антропогенного воздействия.

Конечно, один он не справился бы с такой работой, но инспектор имел право привлекать по мере надобности любых специалистов и делал это со спокойной совестью. Единственной, кого он избегал трогать, была психоэтик Флоренс Дженнифер, в обязанности которой входил анализ диффузии человеческой культуры, направленности освоения Сферы, возможного потока загрязнения и нарушений инфраструктуры. Никита знал, что Флоренс уже составила уравнение хомодинамики, экстраполяционный прогноз-предупреждение и определила порог вмешательства человека, но не торопился знакомиться с результатами ее работы, предпочитая составлять картину событий без предвзятости и навязанных мнений.

Планеты Сферы не имели орбитальной инфраструктуры, как Земля и планеты Солнечной системы, не были опутаны сетью спутников и станций. То ли все спутники за десять тысяч лет попадали на поверхность, то ли дайсонские вообще их не запускали, но это обстоятельство облегчало работу всем.

Никита изучил карты электромагнитного сканирования поверхности Дайсона-1, данные гравизондажа и Т-съемки температурных полей и занялся анализом распределения суши в океанах планеты.

Дайсон-1 не имел материков, как и две другие планеты-сестры, только несколько островных архипелагов общей площадью с земную Евразию. Элементный состав воздуха, горных пород, вод океана и рек всех трех планет был близок к земному, однако почти все элементы по отношению к земным были изотопами. Так, содержание кислорода-18 в воздухе Дайсона достигало двух процентов по отношению к общему объему, азота-16 к «нормальному» азоту-14 – семь процентов, а так как эти изотопы были радиоактивны, то исследователям приходилось принимать специальные меры, чтобы вывести радиоактивные «шлаки» из организма при дыхании: скафандрами пользовались только в тех случаях, когда опасность превышала допустимую норму.

На Дайсоне-1 работало пять исследовательских отрядов: коммуникаторы-экзосоциологи, терпеливо изучающие жизнь, быт и нравы современных дайсов, археонавты, занятые изучением остатков культуры исчезнувшей древней цивилизации, два отряда биологов и планетологи. Каждый отряд имел автономную мобильную базу, расположенную на одном из крупных островов, свободном от поселений дайсов-островитян, и общую топливно-ресурсную базу – ТРБ-1 на орбите вокруг планеты. Все базы имели собственное метро, и посетить их не составляло труда.

Занимаясь как агент по освоению заданием Даль-разведки, Никита одновременно изучал жизнь Сферы и накапливал информацию, необходимую для дальнейшего развертывания основного задания.

Попытки пси-зондирования личности инспектора пока не повторялись, его приняли в коллективе на правах молчуна, умеющего в нужный момент тонко пошутить и оценить достоинства выдвигаемой гипотезы.

«Малый ученый совет» в каюте Уве Хоона заседал с завидным постоянством, гости менялись, хотя костяк компании оставался прежним. Никита с интересом выслушивал азартные споры молодых исследователей на темы, волнующие всех: облик древних дайсониан, способы их общения, зачем они построили Сферу, почему ушли, достигли они высот социального развития или уничтожили себя в разрушительной войне...

Контакты подобного рода были полезны Пересвету не только с точки зрения конкретных целей разведки, они позволяли ему оценить общую психологическую обстановку межчеловеческих отношений в Сфере, в том числе отношений человека с фауной и флорой планет, с техникой дайсониан. Насколько он понял, несмотря на происшествия, заставившие включиться систему космической безопасности, исследователи сохраняли спокойствие и продолжали заниматься делом. А таинственная деятельность неизвестного фактора, метко названного Калашниковым «фактором ДС» – «деятельностью сатаны», продолжалась.

На второй день пребывания Пересвета в Сфере на Дайсоне-1 произошел колоссальный взрыв, уничтоживший остров, на котором неделю назад произошла темная история с инспектором отдела безопасности Норманом Хамфри. Никита узнал о взрыве из сводки спасателей, без промедления занявшихся расследованием причин катаклизма. Такие сводки получали только три человека в Сфере: директор исследовательского центра Нагааны Даваа, секретарь директора Каспар Гриффит, ответственный за соблюдение норм экоэтики поселений землян в Сфере, и офицер погранслужбы Даль-разведки Ждан Пинаев. О том, что еще один человек – Никита Пересвет – имеет доступ к закрытой информации следственной группы УАСС, руководимой Стефаной Калчевой, знали только на Земле, в отделе безопасности Управления аварийно-спасательной службы.

Вечером в каюте Уве Хоона было высказано много гипотез о причинах взрыва на Дайсоне-1. Вулканизм отпадал, все три Дайсона оказались идеальными планетами земного типа с угасшей вулканической и сейсмической деятельностью. Падение болида тоже исключалось: пространство Сферы было чисто и прозрачно, если не считать пылевых облаков у полюсов эклиптики, да и локаторы земных автоматов-наблюдателей у всех трех планет не отметили метеорных тел. Оставалась еще одна версия – разряд электрического кармана, но и она не выдерживала критики с точки зрения мощности взрыва. Атмосферы Дайсонов были насыщены электричеством, их недра тоже, и острова планет служили как бы изоляторами для обкладок колоссального конденсатора. В результате неравномерного распределения проводящих электрический ток пород на островах в их глубинах образовывались электрические аномалии – карманы, которые иногда спонтанно разряжались: чаще в глубь планет, реже – в атмосферу.

Присутствующие у Хоона не знали результатов обследования места взрыва. Пересвет знал, но не вмешивался в спор. Для него было ясно, что в действие снова вмешался «фактор ДС», потому что никаких электрических аномалий в районе острова Хамфри эксперты не обнаружили, зато по характеру взрыва и остаточной радиоактивности определили, что в этом месте вполне мог быть инициирован разряд МК-баллона: МК-баллон представлял собой мини-коллапсер – «черную дыру» в силовой упаковке – и служил генератором энергии для машин звездного флота человечества.

Утром Никита Пересвет встретился с Каспаром Гриффитом в резиденции исследовательского центра, занимавшей три помещения Д-комплекса на десятом горизонте, уже более или менее обследованном земными инженерами и учеными. Первое помещение служило приемной, где работали заместители директора и секретарь – у каждого был свой драйв-пульт и стояла аппаратура киб-анализа и координации работ. Второе помещение занимал директор, а третье – информационно-вычислительный центр, метко названный кем-то из острословов «дум-бункером».

Каспар Гриффит оказался флегматичным здоровяком с безмятежным взором бесцветных глаз, упрятанных под мощные надбровья. Он был одет в точно такой же комбинезон, что и

Пересвет, только на рукаве вместо кирки на фоне палатки – эмблемы сектора освоения планет красовалась эмблема сектора экоэтики – смеющаяся мордочка зайца.

«Каспар Гриффит – канадец, доктор экологии, – прошелестел в ухе шепоток „Васи“. – Сорок семь лет, полгода назад считался без вести пропавшим в экспедиции Славича к Цера-топсу – гамме Рыси. Работал в системах Сириуса, Щита-В, дзеты Кормы Корабля. Назначен секретарем в Сферу приказом директора Даль-разведки после рекомендации СЭКОНа. Не женат. Осторожен, рассудителен, строго придерживается установленного распорядка жизни. – „Вася“ помолчал две секунды и добавил, словно сомневаясь: – Скрытен. Возможно, характер имеет „двойное дно“.

Никита усмехнулся в душе. «Вася» был запрограммирован так, что чуть ли не в каждом человеке подозревал натуру двойственную и коварную.

Гриффит был старожилом, поскольку находился в Сфере уже полгода и знал о ее особенностях больше, чем Пересвет.

Они поговорили об обязанностях агента по освоению, определили круг задач, которые должны были решать совместно, хотя Никита все время чувствовал какую-то неуверенность в поведении собеседника. Наконец он прервал речь и спросил напрямик:

– Вас что-то смущает? Мне кажется, вы все время сомневаетесь. В чем?

– А вас разве ничего не смущает? – ответил вопросом на вопрос Гриффит. – Разве вы не знаете обо всех этих происшествиях на планетах?

– Вы о взрыве на первом Дайсоне?

– И о взрыве тоже.

– А не могли взорвать остров сами дайсы-островитяне?

Доктор экологии вежливо улыбнулся.

– Цивилизации дайсов-островитян как таковой не существует, их культура в самом начале пути. Энергопотребление современных аборигенов составляет около двух тысяч калорий в сутки – это уровень земного каменного века.

– Тогда что же там взорвалось?

– Этот вопрос адресуйте соответствующим службам, в Сфере крутятся спасатели и без-опасность. – Голос Гриффита оставался ровным, но «Вася», не дремлющий ни днем ни ночью, почему-то счел возможным вставить слово «хитрит».

Разговор перешел в узкоспециализированную область экоэтики, причем Никите показалось, что его очень квалифицированно и тонко экзаменуют, но так ли было на самом деле, сказать с уверенностью он не мог.

Беседа закончилась напутствием Гриффита «заболеть» красотой природы Дайсонов и взять в проводники специалиста по психоэтике Флоренс Дженнифер.

– Весьма примечательная женщина, – сказал Гриффит, улыбаясь, превратив глаза в щелочки. – Во всех отношениях. Лучшего гида вам не найти. Да и специалист она неплохой, а вам, как квартирному, еще придется с ней работать.

Никита хотел сказать, что он уже знаком с мисс Дженнифер, но промолчал. Ему стало казаться, что кто-то пытается осторожно «заглянуть в его мысли», хотя «Вася» молчал, да и микроаппаратура экспресс-анализа отмечала лишь обычный пси-фон небольшого скопления людей.

Флоренс на Д-комплексе отыскать не удалось, она в данный момент находилась на третьей планете Сферы, в экспедиции Уве Хоона, но Никита мог попасть туда только через карантин-блок главной базы, расположенной в переоборудованном помещении первого горизонта Д-комплекса. Пришлось сначала пройти карантинный контроль.

Инспектор, уже освоившийся с техникой первых исследованных горизонтов станции, поднялся в метро, полюбовался сиянием Сферы и, следуя указателям, нашел блок карантин-контроля.

Помещение блока разделялось прозрачной перегородкой на два кабинета. В первом стояла пирамида автокартотеки и стойка прямого ввода данных, во втором, оборудованном пеномагнитной мебелью, располагались стол-пульт, стационарный диагнометр и медицинский комбайн.

Навстречу Никите вышел вежливый молодой человек в голубом полукомби с эмблемой медсектора. Пересвет назвал себя. Дежурный врач набрал шифр на стойке, через несколько секунд получил медицинскую карту инспектора и вставил в щель приема. На панели стойки перемигнулись зеленые огоньки.

– Очень хорошо, – сказал молодой врач. – Никаких противопоказаний к работе в условиях повышенной радиоактивности. Но контроль есть контроль. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Никита миновал перегородку, разделся до пояса и встал на ребристую пластину в нише медкомбайна. Свет в комнате погас. В нише зажглись слабые красные линии, оконтуривая протянувшиеся к пациенту манипуляторы с чашечками биодатчиков. Под черепом щекотно «потянуло сквозняком» – включились ультразвуковые сканеры кровеносных сосудов, потом радиопрожектор, физиологические датчики, детекторы нервной нагрузки, анализаторы состояния и прочая мудрая и сложная медицинская техника.

«Вася», лишенный дополнительных рецепторов при снятом костюме, скованный мысленным приказом «сидеть и не рыпаться», а потому сердитый, как человек, которому мешают работать в полную силу, дважды сообщил данные о молодом враче, хранящиеся в оперативной памяти, и замолчал.

Прошла минута. В левом предплечье кольнуло. Никита встревожился. Почему так долго? Что за укол? Обычный анализ состояния длится секунды. Что-то не в порядке со здоровьем? Чуть!

С тихим щелчком манипуляторы втягиваются в глубь машины, вспыхивает свет. Инспектор с облегчением покидает нишу, натягивая рубашку и комбинезон.

– Ну что?

– Норма, – роняет врач. – Вот ваш бланк. Я ввел вам комплексную прививку, которой хватит на месяц. Через месяц, если вы еще будете здесь работать и ничего не случится, повторим процедуру.

– Что за прививка? У меня общая АВБ.

– Стимулятор компенсации кислорода и газообмена и антирадиационная сыворотка. Изотопный состав атмосферы планет Сферы отличен от земного. Всего вам доброго.

– И это все? – разочарованно спросил Никита.

Врач рассмеялся.

– Вам одного укола мало? Могу добавить. В атмосфере Дайсонов гибнут все без исключения бактерии-симбионты человеческого тела, а остальных микробов, несущих болезни, я добил. Теперь вы безопасны для жизни планет... если только не станете хвататься за оружие без надобности.

Пересвет улыбнулся в ответ и покинул карантин-блок.

Переход с основной базы в лагерь археонавтов на Дайсоне-3 был несложен: вошел в кабину метро и вышел из такой же кабины уже на поверхности планеты, поэтому полюбоваться ландшафтом с высоты не удалось.

Его никто не встречал. Рабочий день в лагере уже начался, и все работники занимались своими делами. Однако не успел инспектор выйти в кольцевой коридор, опоясывающий ядро базы – диспетчерский пункт, административно-хозяйственные службы, метро, управленческий аппарат с кабинетом директора, – как навстречу из двери диспетчерской вышел старый знакомый, пограничник из отряда Пинаева, Мухаммед бин Салих. Пересвет поздоровался первым, отметив, что простодушное удивление Салиха – не более чем маска. Если первая их встреча на

Д-комплексе могла быть случайной, то вторая «случайность» исключалась: Салиху, по легенде – инженеру похода, нечего было делать в лагере археонавтов.

Никита почувствовал досаду и неудобное, раздражающее ощущение несоответствия своего положения реальному раскладу сил: пограничники Пинаева, расследуя происшествия в Сфере, заподозрили новенького, хотя к этому не было никаких причин. За два дня Никита не мог раскрыться, каждый вечер он анализировал происшедшие за день события и свое поведение и не обнаружил ни одного прокола. Даже пси-зондирование в комнате Уве Хоона он выдержал без особого напряжения. Ситуация складывалась забавная и не предусмотренная прогнозом: агента отдела безопасности с особыми полномочиями решил прошупать офицер погранслужбы, не зная, что он выполняет аналогичное задание, только на другом уровне. Хотя, мелькнула мысль, может быть, это просто самодеятельность Салиха?

– Мир тесен, – произнес, улыбаясь одними губами, Салих. – Добрый день, квартирьер. Вы уже приступили к детальному анализу суши?

– Только собираюсь, – сдержанно ответил Пересвет. – Решил пощупать планету своими руками, прежде чем начать работу. К тому же мне сообщили, что вчера произошел взрыв на одном из здешних островов. Любопытно было бы взглянуть и поговорить с экспертами. Будет весьма неприятно, если мы заселим острова, а они начнут взрываться.

– Не завидую вашей специальности: степень ответственности где-то у предельной черты. То ли дело инженер похода – ответственность в два раза ниже.

Никита усмехнулся.

– Не преувеличивайте, вы тоже отвечаете за жизнь людей в походе, как и любой член экипажа. Подскажите, где здесь можно разжиться машиной и проводником?

– Мог бы и я послужить проводником, но, увы, спешу. А машину вы найдете в эллинге, база имеет дежурный резерв. До новых встреч.

Салих, пригладив черные волосы, исчез за поворотом коридора. Инспектор пошел своей дорогой, продолжая размышлять о встрече. Не понравилось ему поведение пинаевского работника, уж очень тот был бесплотен, не ошутим психологически, словно не живой человек, а тень отца Гамлета. С одной стороны, загадочность натуры – вещь неплохая, недаром она обладает притягательной силой, особенно для женщин, но с другой – пограничнику не следовало бы выпячивать свою незаурядность, иногда это мешает делу, особенно в работе с людьми.

Пересвет миновал тамбур с приставкой карантин-контроля и вышел в день Дайсона-1.

Сначала его оглушила, сбив дыхание, странная смесь сладких и кисло-острых запахов: клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла в воздухе как в вакууме – по первому впечатлению.

Дайя – ослепительный розовый пузырь – висела почти в зените, окрашивая небо в нежно-розовый цвет. Западная часть небосклона скрывалась за грядой высоких кипенно-белых с перламутровыми прожилками облаков.

Холмистая равнина уходила на север до горизонта, на юге она переходила в плато и заканчивалась грядой невысоких скал, а с запада и с востока начинались знаменитые черно-золотые вудволловые леса: черное – стволы-стены, золотое – шапки пуха, заменяющего листья.

База – комплекс из четырех серебристых параллелепипедов без всяких выступов и отверстий, соединенных квадратными трубами переходов, – стояла на вершине пологого холма, поросшего густой желтой пухотравой. Почва холма была зеленовато-серой. Кое-где в траве посверкивали пятна изморози на первый взгляд, но при рассмотрении вблизи «изморозь» оказалась языками лишайниковидного растения с тонким рельефным рисунком. Возле стен базы буйно разрослись оранжевые перья гриботравы, привлеченной избытком тепла и запахом чужеродных образований.

Над инспектором пролетело что-то невероятно красивое, радужное, размером с крупного орла, покружило на небольшой высоте и полетело дальше, едва шевеля округлыми крыльями,

напоминающими большие плавники. Радужный виброкрыл, определил Никита, «бабочка» Дайсонов, вернее, «комар». Укус виброкрыла вызывал у человека нечто вроде приступа эйфории, состояние блаженных грез, притупляя мыслительные процессы, и уже были случаи, когда виброкрылов использовали для индустрии наслаждений намеренно.

На всех трех планетах Сферы сохранились остатки сооружений и городов древней расы, построившей эту колоссальную энергосистему, но на Дайсоне-1, кроме всего прочего, был обнаружен древний космодром с одним-единственным звездолетом, именно поэтому базу археонавтов расположили на первом Дайсоне, хотя отряды археонавтов работали и на других планетах.

Отойдя на сотню шагов от строений базы, Никита оглянулся.

У левого крыла ближайшего здания грузился белый куттер. Рядом киб-ремонтники возились с наполовину разобранным пинассом, еще один пинасс парил над базой.

Тихие голоса людей, шелест травы под ногами, далекое теньканье – вот и все звуки. Тишина владела островом, океаном, всей планетой, великая тишина мирной жизни. Взрыв острова не вписывался в концепцию спокойного, размеренного бытия планеты, он был лишним, инородным и по логике не принадлежал неразумной природе.

Никита спустился с холма в долину. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на башмаках. Воздух тоже был насыщен электричеством, кожу на щеках и веках чуть пощипывало при ходьбе.

Обычных для Земли насекомых на мирах Дайсона не водилось. Виброкрыл напоминал комаров и других земных кровососущих тварей только функционально, как и змееноги – гусениц или маммофаги – червей. Царство фауны дайсоновских планет оказалось довольно обширным и разнообразным, хотя земные системологи и филогенетики разобрались с их жизнью не сразу, потому что многих существ можно было отнести в равной мере и к животным, и к растениям. Таксонометрические категории, используемые учеными на Земле и ряде других планет, где была обнаружена жизнь, оказались непригодными для определения царств, подцарств, видов и отрядов фауны и флоры планет Сферы. К тому же на жизнь планет Сферы наложила отпечаток высокая электризация воздуха: почти все живые существа имели электрические органы, действие которых было еще не до конца изучено.

Никита принялся: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал болезненно остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный аромат маттиолы.

«Вася», молчавший до этого момента, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об электрических карманах, которые инспектор обошел на почтительном расстоянии.

Вспугнув змеенога, Пересвет подошел к лесу и окунулся в его угрюмую тень. Но если у кого-то при слове «лес» перед мысленным взором предстал земной бор, березовая роща или джунгли, то он далек от той картины, которую представлял собой вудволловый лес.

Одиночный вудволл больше всего напоминает сросток неровных стен разной толщины – от дециметра до метра, разной длины – от двух до тридцати-сорока и высотой до шестидесяти метров. Стены по верхней кромке обросли золотистым ворсом – это «листва» вудволла. Кое-где борода «листвы» спускается по стене почти до ее основания, но цвет ее при этом переходит в пепельно-черный. И по всем черным плоскостям «ствола» вудволла разбросаны странные наросты с вкраплениями рубиновых кристаллов, разбрызгивающих алые лучики по атласно-черной коре дерева. Но это одиночный вудволл – явление, по отчетам исследователей, очень редкое. Обычно вудволлы растут группами, рощами, в самой маленькой из которых как минимум шесть-семь деревьев.

А вудволловый лес – это почти непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонок, сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», «хижины» и «дворцы» без крыш, с редкими окнами-провалами и дверями-дырами...

Кора у вудволла бархатистая, теплая на ощупь, с тонким муаровым рисунком, напоминающим загадочные письма, и, если приложить ухо к боку исполина, можно уловить медленную пульсацию его сердца, гоняющего кровь-лимфу на высоту в десятки метров.

Никита прижался к дереву щекой.

«Температура вудволла сорок градусов по Цельсию, – с готовностью доложил „Вася“. – По данным биологов, он имеет подобие нервной системы и центральный нервный узел в комле на глубине трех метров. Кстати, отмечаю повышение пси-фона».

Пересвет и сам почувствовал мысленное эхо, присутствие живой громады, заполнявшей все пространство вокруг, но это было просто психологическое давление исполинского вудволлового леса, в котором человек казался самому себе ничтожнее букашки...

Инспектор углубился в лес, похожий на развалины какого-то апокалипсического города-храма. Микроклимат в лесу был иным, чем на равнине, температура – градусов на десять выше, к тому же повысилась концентрация горьких примесей в воздухе. Подлеска, кустов и побегов молодых вудволлов не было видно, их не обнаружила в лесах всех трех Дайсонов ни одна экспедиция, а большинство исследованных деревьев имело возраст не менее тысячи лет.

Долгожители, подумал Никита. Интересно, не окажется ли сок-кровь вудволла долгожданным эликсиром бессмертия? Ведь если он живет так долго, то в крови его должны быть вещества, способствующие долголетию и регенерации. Может быть, биологи уже проверили эту мысль?

Он выбрался из зарослей и побрел к базе, контрастирующей земным обликом с фоном дайсонского ландшафта. Показав диспетчеру сертификат агента по освоению планет, взял пинасс из резерва базы, покругил над ней и направил каплевидный аппарат на юг, к горной стране на горизонте. Горы здесь, конечно, горами назвать можно было только условно, с натяжкой; самые высокие из них больше напоминали скалистые холмы высотой метров в семьсот.

Большой остров сверху походил на четырехпалую ладонь. Самым примечательным сооружением древних дайсонов на нем была «Баальбекская веранда» – квадратный плоский стол со стороной в два километра, сложенный из громадных каменных блоков. Назначение веранды оставалось невыясненным до сих пор, так как единственное разумное объяснение – древний космодром – отпадало по той простой причине, что у дайсонов не было ракетного флота.

От веранды начиналась изъеденная временем дорога, а может быть, и оборонительная стена высотой в двадцать пять метров и шириной с улицу древнего земного города типа Москвы. Пересвет вспомнил земные скансены⁵ Торжок, Суздаль, Тверь и подумал, что сооружения дайсонов тоже напоминают музеи под открытым небом, причем на редкость хорошо сохранившиеся, если вспомнить, что возраст самых «молодых» из них превышает десять тысяч лет!

Никита остановил аппарат над стеной, потом выбрался из кабины, пробуя прочность покрытия под башмаком. Материал стены, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, не походил на горную породу. «Кремнийорганическое соединение с примесями солей бора, – сообщил „Вася“ коротко и тут же добавил: – За нами следят».

Никита незаметно осмотрелся и в шести километрах за вудволловой рощей обнаружил трехместный пинасс в тень-окрасе. Неподготовленный человек вряд ли заметил бы его на таком расстоянии, но Пересвет знал, как и что искать. На смену ожиданию встреч с чудесами чужой природы пришли сожаление и досада, очарование таинственного незнакомого мира

⁵ Скансен – музей под открытым небом.

ушло. Никита впервые пожалел, что находится в Сфере не как исследователь, первооткрыватель, а как инспектор безопасности УАСС.

Велев киб-пилоту следовать изгибом оборонительной стены, он некоторое время следил за действиями неизвестных наблюдателей – те оставались на месте, – а потом переключил внимание на разворачивающийся под аппаратом пейзаж, хотя ему очень хотелось узнать, кто за ним следит и с какой целью.

«Черт с ним, – сказал „Вася“, – узнаем позже, я запомнил отличительные особенности пинасса».

Оси вращения всех трех планет Сферы были почти перпендикулярны плоскости орбиты, к тому же Дайсоны вращались вокруг Дайи и вокруг собственной оси в одном направлении – по часовой стрелке, с одинаковой угловой скоростью, поэтому планеты имели всего две климатические зоны – южную и северную, медленно, в течение шести лет сменявшие друг друга. В южной зоне все время стоит день-лето, в северной – ночь-зима. Но благодаря широтной конверсии и ровным тропосферным ветрам температуры зон различаются незначительно: максимальная температура севера – плюс двадцать восемь градусов, минимальная температура севера – плюс восемь градусов по Цельсию.

Никита находился на юге Дайсона-1, примерно на пятой параллели, где температура воздуха держалась на уровне двадцати градусов.

Стена внизу снизилась, измельчала, пока не превратилась в «пунктир» – отдельно сохранившиеся участки по сто метров длиной, а потом и вовсе исчезла в складках мини-горной страны. Никита поднял пинасс повыше и увидел желтую блестящую «твердь» океана, в которую обрывались скалы-горы плато. Пухотрава и гриботрава здесь не росли, лишь изредка глаз наткался на красноватые подушечки летающего мха, отмеченные яркими колокольчиками спороносов.

Никита сориентировался и направил полет к верхнему полюсу, включив форсаж. Неизвестные наблюдатели не рискнули сопровождать его в открытую.

Через четверть часа на горизонте появилась темная полоска, вскоре она распалась на цепочку островов. Где-то среди них находился взорванный остров Хамфри, на котором нашли потерявшего и память, и человеческое «я» Нормана.

Пересвет снизил скорость, раздумывая, стоит ли привлекать к себе внимание работающих здесь экспертов из отряда Калчевой, но, пока он раздумывал, его заметили. На крохотной панели аппарата замигал голубой огонек вызова, инспектор мысленно включил рацию.

– Пилот белого пинасса, остановитесь, вы вошли в запретную зону. Сообщите полномочия.

– Кто спрашивает?

– Михай Мориц, командир звена УАСС.

– Я Никита Пересвет, инспектор по освоению. Где можно вас отыскать?

– Левее по курсу, второй остров с озером посередине, увидите палатки.

Никита нашел указанный остров, напоминающий земной атолл с лагуной в центре, и сел возле городка ослепительно белых тетраэдров лагеря экспертов УАСС.

Мориц встретил его у стреловидного нефа формулы ПК, способного самостоятельно выходить в космос. Такие мощные и одновременно малогабаритные машины использовались только спасательной службой, Даль-разведка в них не нуждалась.

– Что вас привело именно сюда, инспектор?

На сей раз Мориц не показался Никите изнеженно-женственным, как при первой встрече у Хоона. Рука у командира звена была хрупкой только на вид.

– С завтрашнего дня я начинаю составлять карты заселения, – сказал Никита. – А сегодня решил совершить пробную прогулку. Вы же понимаете, что меня не может не волновать взрыв острова. Если после заселения Сферы начнут взрываться острова под поселками и базами...

– До сих пор не взрывались. Случай странный... – Мориц снял шлемофон, и ветер взметнул его длинные волнистые волосы так, что вокруг них вспыхнул ореол электрических искр. – К тому же заселение Сферы весьма проблематично.

– Что вы имеете в виду? – осторожно спросил Никита. – Причины взрыва уже известны?

– Пойдемте, покажу вам это место сверху, – уклонился от ответа спасатель.

Они влезли в кабину нефы и поднялись в воздух.

Взорвавшийся остров напоминал чью-то челюсть, от него осталась только цепочка клыков-скал, бликующих оплавленной пленкой глазури.

Помолчали. Мориц развернул машину и облетел весь архипелаг, состоящий из семи островов, три из которых заросли вудволловым лесом. На самом большом острове из леса вырос тонкий шпиль мечети дайсов.

Издалека долетел тонкий перезвон, словно заговорили небольшие колокола церкви.

Мориц посмотрел на часы.

– Час молитвы. На трех островах есть поселения дайсов, через каждые тридцать часов они собираются вокруг мечетей и молча сидят в течение часа.

– Общаются?

– Кто знает? Языка у них нет, то есть они не разговаривают, как мы с вами. Самое интересное, что мечети не пустые, внутри заточены интересные существа – бхихоры, полурастения-полуживотные, представляющие самостоятельный класс царства зоофитов; сидят, как в клетке...

– Почему заточены? – поинтересовался Никита. – Разве мечети не имеют входа-выхода?

– В том-то и дело. Мечеть – это ажурная конструкция из костей-досок вудволла, она полая внутри, как клетка. Коммуникаторы называли эти действия островитян культом бхихора, но никто не знает, за что дайсы чтят бхихоров подобным образом.

Неф снова прошелся над остатками острова Хамфри. По одной из скал ползали люди в оранжевых комбинезонах, сквозь толщу воды был виден диск подводного аппарата и рядом – еще четверо в скафандрах.

– И все же, – нарушил молчание Пересвет, – что здесь произошло? Почему остров взорвался? Это ведь на нем на-шли... э-э... работника отдела коммуникации Нормана Хамфри?

– Да, – сухо сказал Мориц, разворачивая аппарат к лагерю. – Но причины взрыва еще анализируются. Единственное, что я могу сказать, не рискуя выдать тайну расследования, это то, что взрыв не принадлежал к естественным природным процессам, характерным для Дайсонов.

Никита с интересом посмотрел на профиль собеседника: Мориц открывался с иной, жесткой стороны. Он умел казаться изнеженно-томным, «аристократически» снисходительным, как в кают-компаниях у Хоона, и волевым, независимым, откровенно суровым. В юноше чувствовалась хватка незаурядного руководителя.

Пересвет еще немного полюбовался в бинокль на застывших вокруг мечетей дайсов, похожих на обросшие мхом валуны с глазами, и Мориц повел неф к лагерю.

Прощаясь, инспектор заметил, что молодой командир звена вертит в пальцах знакомый перстень: точно такой же красовался на пальце Флоренс Дженнифер.

– Любопытная штучка. Я уже видел один такой.

Мориц подкинул на ладони перстень, камень сверкнул голубым и зеленым.

– Их нашли на втором Дайсоне в северной зоне около двух десятков. С ними связана интересная загадка: многие пробовали надевать, и я в том числе, но тут же снимали. Они какие-то... неудобные, что ли, холодные как лед и пальцы натирают, а Флоренс – помните? – носит и хоть бы что! Но эстетика перстней не имеет аналогов. Вообще, насколько я уже вошел в курс дела, все, что создавали дайсонииане, будь то машины, архитектурные сооружения или предметы искусства, в высшей степени совершенно!

Никита сел в свой пинасс и через полчаса ураганного полета прибыл на базу археонавтов. Какой-то аппарат попытался увязаться за ним в пределах видимости, но отстал.

В диспетчерском пункте базы Пересвет оставил записку Флоренс Дженнифер, что ждет ее вечером в кают-компании, и вернулся на Д-комплекс. Слова Морица о совершенстве техники дайсонии не шли из головы, была в них притягивающая сила и тайна, и Никита, переодевшись в своей каюте, направился в музей, или, как его называли исследователи, «культ-отстойник», в котором найденные на планетах драгоценные раритеты, памятники искусства и культуры строителей Сферы проходили первое обследование специалистами.

Музей занимал четыре помещения на внешнем горизонте Д-комплекса, там же, где располагались административные и научные отделы исследовательского центра.

Первые три помещения, узкие и длинные, служили складом экспонатов, четвертое – лабораторией с аппаратурой анализа и обработки данных. Музей был открыт круглосуточно.

Никита медленно прошелся вдоль стеллажей с экспонатами в первом зале, в котором хранились предметы культуры и искусства: странные статуэтки, сосуды, обломки скульптур, в том числе и перстни, найденные Уве Хооном. Во втором зале помещались останки машин и механизмов, многие из которых имели вид только что сошедших с конвейера, а третий был полон предметов невыясненного назначения.

Никита остановился возле первого бокса и с любопытством прочитал табличку на прозрачной стенке: «Клеймор».

На полу бокса стояла на торце, ни на что видимое не опираясь, гигантская – метра два в высоту – «бритва» из какого-то желтого металла или сплава. «Клеймор» имел вид именно старинного земного бритвенного лезвия как на первый взгляд, так и на второй.

– Любуетесь? – обратился к инспектору пожилой мужчина с эмблемой археонавта на рукаве, доселе исподтишка за ним наблюдавший.

Никита обернулся.

– Любопытная штука. Клеймором ее называли, очевидно, в шутку?

Пожилый сморщил лоб в улыбке. «Лука Захаров, – шепнул „Вася“. – Археонавт, пятьдесят три года, семь лет экспедиций, три монографии о культуре Зоо».

– Шутников у нас хватает. Клеймор – это обоюдоострый кельтский меч, так что по названиям можете судить и о наличии иронии и юмора. Материал клеймора – бериллиевая бронза, и ни следа коррозии! Древние дайсонииане использовали методы биоконсервации за десять тысяч лет до нашего рождения.

Перешли к следующему боксу. «Робот-универсал».

Чудище непонятной формы с десятком гофрированных шлангов-щупалец и пятью выпуклыми глазами.

– Внутри обнаружили нечто вроде потухшего электронно-кристаллического мозга и обширной нервной системы, – опять пояснил гид, – но функциональные характеристики этого монстра остались невыясненными.

Полуметровый серый куб, изъеденный крупными порами, похожий на блок из сипорекса – древнего земного пористого бетона. «Водяной». Почему «водяной»?

– Стоит к нему приблизиться вплотную – и он превращается в фигуру, напоминающую корягу. – Эксперт заулыбался. – Кто-то увидел в коряге сказочный персонаж. Показать?

– В другой раз. Начинку изучили?

– Внутри куба нет никакой начинки – один сплошной кусок студня, желе, не поймешь даже, живое оно или нет. Но биологи отказались признать его живым.

Прошли мимо дерева с неуловимо строгой нерегулярностью расположения металлических на вид ветвей, под деревом была табличка с надписью: «Фракталь».

Клубок черных шлангов: «Осьминог».

Невероятно изогнутый лист из голубого материала с надписью: «Топологическая раз-вертка желудка типичного археонавта». И еще десятки странных предметов, не имеющих иных аналогов среди земной техники, кроме языково-терминологических.

– Вас как зовут? – Пожилой эксперт, вероятно, был рад случайному посетителю музея и не хотел быстро прощаться с должностью экскурсовода. – Пойдемте покажу коллекцию машин, сохранившихся полностью, не фрагментарно.

В торце зала оказалась еще одна дверь. Взору представилось обширное помещение с прозрачными клетками, внутри которых находились машины и аппараты, соответствующие пояс-няющим табличкам. Даже на глаз эти механизмы вызвали восхищение гармоничностью и совершенством, несмотря на то, что разрабатывались существами, чей облик был далек от человеческого.

Захаров по лицу Никиты понял, о чем он подумал.

– Эксперты тоже все эти аппараты отнесли к классу совершенных. Существуют пределы совершенствования технических устройств, за которыми дальнейшие доработки нецелесооб-разны, ибо не улучшают характеристик устройства и его эстетического вида. Например, чув-ствительность аппаратуры при этом определяется лишь естественными шумами самих источ-ников, а не недостатками прибора. Так вот, древние дайсониане этих пределов достигли.

Никита кивнул, соглашаясь.

Остановились возле пульта: изящное кресло, предназначенное явно не для человека, соединенное в одно целое с черной матовой доской, с группой цветных квадратов (сенсорная клавиатура?), усами с черными каплями на концах (микрофоны?) и с коричневыми дисками «наушников». Судя по конфигурации всех элементов «пульта», у существа, работавшего за ним, голова была гораздо больше сидища.

«Устройство адаптивного контроля» – рогатый зеленый шар, похожий на подводную мину середины двадцатого века.

– Применялось дайсонианами для выращивания биомеханических систем и регуляторов третьего класса, – сказал разговаривший Захаров. – Диапазон применения практически не ограничен. Почти все автоматы обслуживания Д-комплекса выращены с его помощью.

Никита вспомнил электрическую «медузу», встреченную им в первой вылазке в глубины дайсонианской станции.

«Передачик материи».

Грушевидная белая кабина, дверь в нее по контуру напоминает гриб боровик. Внутри – не то металлический куст, не то проросшее кресло.

– По принципу действия – наше метро, но дайсониане использовали другие диапа-зоны частот. Энергопитатель, конечно, отсутствует. Мы нашли всего пять уцелевших кабин и несколько обломков, причем все – на одном острове Дайсона-2. Уве предложил гипотезу, что дайсонианские метро, названные «прыг-скоками», не вышли из стадии экспериментальной проверки, но это противоречит остальным фактам. Во-первых, Д-комплекс напичкан устрой-ствами подобного рода, хотя они и совершеннее найденных; во-вторых, без мгновенного пере-мещения в пространстве невозможно было бы построить такую махину, как Сфера.

Подшли к последнему боксу с надписью «Летательный аппарат». На полу стояла стран-ная асимметричная конструкция – соединение тора с двумя разнокалиберными конусами. С виду аппарат мало походил на летающий, хотя все его обводы были геометрически правильны и плавно переходили из фигуры в фигуру. Но чем больше инспектор рассматривал аппарат, тем сильнее ему казалось, что тот незавершен, недостроен.

– Чего-то ему не хватает, – пробормотал Никита, приблизив лицо к прозрачному листу пластика. – Или я ошибаюсь?

– Интуиция у вас чисто инженерная, – с одобрением проговорил Захаров. – Дело в том, что все летательные аппараты дайсониан обладали свойством изоморфии – в широком диа-

пазоне могли преобразовывать форму корпуса для движения в любых средах. Этот аппарат застыл в момент перехода, когда у него закончилась энергия. Кабина – в большем конусе, там вполне может уместиться экипаж из двух человек. Сколько вмещалось дайсониан – неизвестно.

У Никиты внезапно пропал интерес к технике аборигенов, к тому же замечание собеседника о «чисто инженерной» интуиции заставило его вспомнить, что он эколог, а не инженер и ему следовало бы меньше интересоваться техникой древних строителей Сферы, а тем более разбираться в ней.

Прощавшись с Захаровым, Пересвет опустил на десятый горизонт, зашел в приемную директора и записался на прием на девять вечера.

Сфера Дайсона. Вторая планета системы

Второго января по ТФ-каналу прибыл первый комплекс адаптивной робототехники «Аргус». За три дня бригада инженеров проверила его в работе, и шестого января он был десантирован на Дайсон-2, в район Большого Возмущения – единственное место на планете, где практически отсутствовало статическое электричество.

«Аргус» представлял собой модуль-матку и сорок самостоятельных роботов сбора информации, способных видоизменяться в зависимости от внешних условий, но подчиняющихся единому мозгу – хозяину комплекса. «Аргус» также мог самостоятельно изменять программу исследований в пределах действия закона минимального причинения ущерба окружающей среде и не нуждался в уходе.

Комплекс исправно отработал четыре дня, ежедневно посылая полученную информацию в центр, а потом замолчал. На вторые сутки молчания в район Большого Возмущения был послан кибернетик, ответственный за работу подобных систем, и обнаружил, что «Аргус» в состоянии «умопомрачения»: роботы-«руки» комплекса методично уничтожали вудволлову рошу, какие-то развалины и друг друга. Один из островов был превращен ими в дымящийся кратер, второй – в гладкий монолит. Модуль-матка взидала на бессмысленное уничтожение с равнодушием автомата, лишенного интеллектуального мозга.

Кибернетика к себе она не подпустила, а когда тот решил применить силу, один из уцелевших роботов комплекса полоснул по куттеру лазерным лучом.

Кибернетик остался жив и смог вызвать бригаду коллег, но лишь через сутки им удалось пробраться внутрь «Аргуса», чтобы потом в недоумении развести руками: программа работы комплекса была стерта, а его мозг превратился в конгломерат антагонизирующих систем.

Причин возникновения ситуации выяснить не удалось.

Ждан Пинаев

Топливо-ресурсная база ТРБ-2 была реперной, основной для Дайсона-2, и обслуживала наземные лагеря и базы исследовательских экспедиций на планете.

База была подвешена над северной климатической зоной планеты на высоте трех тысяч километров и представляла собой полукилометровый цилиндр, сложенный из «блинов», каждый «блин» – отсек со своим оборудованием, катапультой, ангаром и обслуживающим персоналом. С центром база соединялась местной линией метро, как и с другими реперными базами, разбросанными по всей системе Сферы.

Авария произошла во втором от торца цилиндра секторе, секторе крупнотоннажного транспорта, основной единицей которого были десантные шлюпы типа «Коракл»: высота сорок пять метров, диаметр кормы семь и восемь, масса восемьсот двадцать тонн, дедвейт⁶ пятьсот сорок тонн. При стыковке с базой один из шлюпов вдруг повело в сторону от курса, он врезался в защищенное ограждение отсека и взорвался. Взрыв уничтожил посадочную ферму со всей ее автоматикой, часть обшивки сектора и сам шлюп, кроме аварийной посадочной капсулы, в которой при вскрытии обнаружили... полуживого дайса-островитянина!

Пинаев прибыл на базу, когда эксперты поисково-спасательного патруля из группы Калчевой уже заканчивали предварительный анализ причин аварии. Ждан ознакомился с выводами комиссии и понял, что авария достаточно неординарна и подтверждает мнение начальника отдела безопасности Калашникова о «деятельности сатаны». Она была неординарна уже тем, что погибших и без вести пропавших в результате не оказалось, хотя шлюпом кто-то управлял. Но кто был пилотом и куда он подевался, дознаться не удалось. А дайс-островитянин не смог бы управлять шлюпом уже потому, что управление «Кораклами» рассчитывалось на био– и пси-характеристики людей, а не электрических животных с зачатками разума.

⁶ Дедвейт – полная грузоподъемность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.